

Смена

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ "ПРАВДА"

СЛОВАРЬ *чтитателю* СМОЛЫ

ПОЛЮС

Внутри всякого вращающегося тела можно провести воображаемую неподвижную линию, вокруг которой происходит вращение. Эта линия называется осью, а две неподвижные точки, лежащие на поверхности тела, — полюсами (латинское слово «полюс» происходит от греческого «поляй», что значит «пояс»).

Географические полосы земли— две неподвижные точки, вокруг которых происходят вращение на земной планете. Точка, как известно из геометрии, не имеет ни длины, ни ширины, ни толщины. На земной поверхности можно отыскать место, где находится паоис, но не самую точку паоиса. Но в местах, где находятся географические полосы, можно быть определено тщательно, приблизительно. Современные астрономические инструменты позволяют определять дату и широту местности с точностью от 200 метров (ночью — по звездам) до 1 километра (днем — по солнцу). Следовательно, можно узаконить на земной поверхности географическую полосу, называемую параллаксом.

дисом от 200 до 1000 метров, расположенную в районе воображаемой оконечности земной оси.

ности. В IV и V веках до нашей эры греческие философы Пифагор и Аристотель учили, что земля — шар. Астроном Птолемей (II век нашей эры) построил целую систему мира, согласно которой солнце, планеты и звезды движутся вокруг Земли. Второго витка земной орбиты вокруг земли находились солнце и луна. В этой системе не было места подоясам в строго научном смысле слова, так как подоясы могли быть только у вращающегося мира. Птолемея тогда называли «инициатами» почки великого пифагорея. Аристотель и Концепция (XV век) не вправе были вспомнить, что в них Галлея (XVII век) показали вращение земли, существование подоясов можно считать научно обоснованным.

Для человека, попадающего на

ДИВЕРСИЯ

Диверсиями называют организуемые непрileжайскими агентами или бандами всякого рода взрывы, поджоги, предвзятые политические акты, а также распространение ложных слухов, вызывающих панику в массах населения, и т. д. Диверсия — французская вылазка, совершенная агентом одной из держав на территории другой с целью подорвать военную и экономическую мощь противника.

Широко начали применять ли-
версии Японии в период русско-
японской войны (1904—1905
гг.). Ее примеру последовали ре-
шительно все капиталистические
страны и раньше всего крупные.
Диверсия в соединении со шпио-
нажем стала неотъемлемой частью
их внешней политики. Она узако-
нена и признана в трудах круп-
нейших буржуазных военных тео-
ретиков.

Особенно широкого размаха до-
стала деятельность дивизионов
во время мировой войны. Немцы
использовали для дивизионной авиа-
ции и химии. Немецкий шинопо-
ледом удалось взорвать парижский
водопровод, а также овладеть
значительными участками на-
циональных железнодорожных линий.
Не менее энергичную деятель-
ность развернули они в США,
где пытались организовать под-
лог предприятия стального треста
«Беслер», разрушить Канадскую
железную дорогу, взорвать зи-
менитые бойни в Аргентине, из
одной стороны Англии и Франции по-
сыпалась целая груда дивизионов
из военных заводов Круппа, в
Германии, под видом рабочих.
Мнимые рабочие разрушили обо-
рудование, устраивали взрывы, всячески старались вывести пред-
приятия из строя.

Диверсии широко применяются не только во время войны, но и в процессе подготовки к войне, в так называемый мирный период. С особенным упорством пытаются капиталистические государства путем диверсий поколесить монди СССР. Сейчас они, как указал товарищ Сталин в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б), заслывают вдвое и втрой бедствий, спекуляций, шпионажа, диверсий и убийц в Советской земле, чем в тела любого буржуазного государства.

Для своих кровавых целей капиталистическое окружение СССР использует в первую очередь банду троцкистских выродков, агентов германо-японского империализма, банду заклятых врагов рабочего класса.

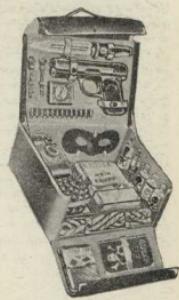
бочного класса.
Между троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, с одной стороны, и профессиональными фашистскими шиканами и лягушками

Ширшов и Федоров товарищу Сталину, — установлены жилые и рабочие палатки, разбиты базы продовольствия и снаряжения, начаты регулярные научно-исследовательские работы по метеорологии, гидрологии, гидробиологии, земному магнетизму, гравиметрии и строительству дрейфера. Установлена радиосвязь с полярными станциями».
«Дорогой Иосиф Виссарионович

тами — с другой, стараясь все вправе. Каждый из прощенных троцкистско-зиновьевской банды, в том числе паньшинских охранах устраивали взрывы на предприятиях и в шахтах, крушения поездов, массовые отравления в столовых. Кровные десятки рабочих, красноармейцев, детей запятнаны своим алым расстреливанием, по приговору Верховного суда СССР, троцкистские выродки Плаков, Григорьев, Соколов, др. Недавно была раскрыта и сорвана анда земли троцкистская шайка шпионов и диверсантов, оперировавших на железнодорожных линиях Дальнего Востока под руководством и по заданию японских разведывательных органов.

Диверсия — одна из краеугольных пунктов той «программы» действий, которая обнажила сейчас всех закаленных врагов трудящихся нашей страны.

Вот почему решительная борьба со всеми проявлениями идиотской болезни — беспечности, и максимальное повышение бдительности в целях боевого нацеленного разоблачения врага — это первостепенная, спонсированная — какой бы он маской ни прикрывалась и под какой бы личиной ни выступала, являются важнейшими задачами, стоящими перед каждым гражданином нашей родины.

«Джентльменский набор» гестаписта для заграничной командировки (рисунок Ю. Ганфа. «Крокодил», № 2, 1937 год)

вич, — пишут они в заключение, — здесь, среди ледяной пустыни, на расстоянии многих тысяч километров от родной Москвы, мы не чувствуем себя оторванными от своей страны. Мы знаем и верим, что за нами и вместе с нами — племянники социалистическая Родина. Это сознание крепит наши силы, и мы обещаем Вам сделать все, чтобы оправдать оказанное нам огромное доверие».

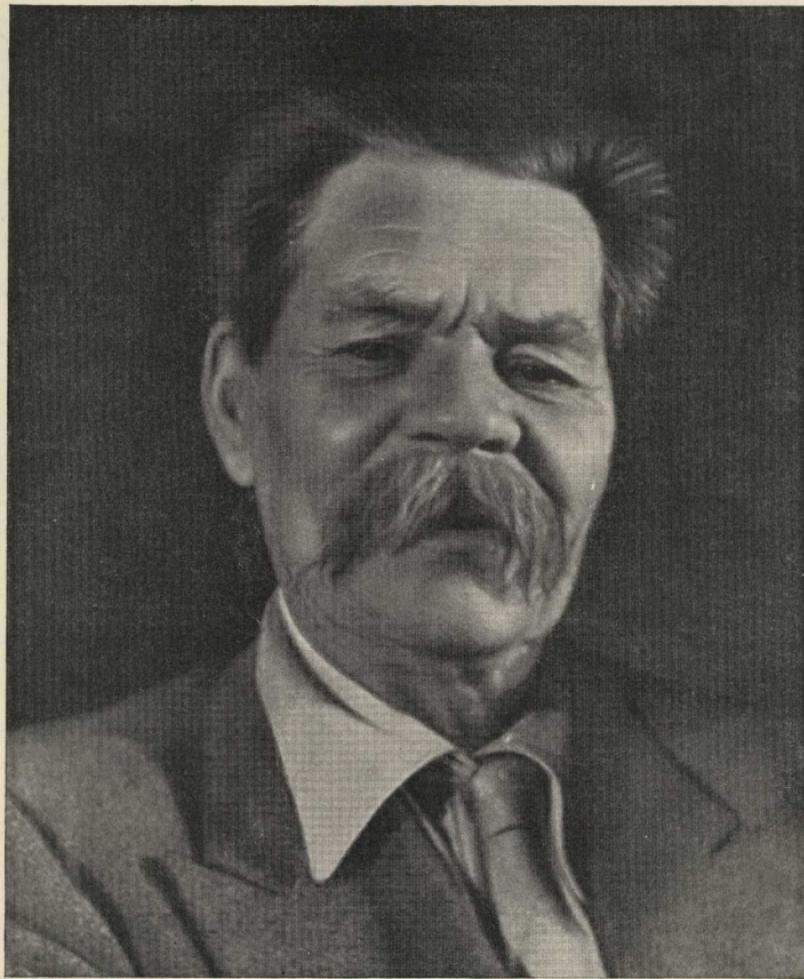
Ж у р на л
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

Июнь 1937 года
Номер шестой
Год издания XIV

Фото И. Шашка

Год назад, 18 июня 1936 года, умер великий русский писатель, защитник мировой культуры, непримиримый борец против фашизма, А. М. Горький. Окруженный любовью советского народа и трудящихся всего мира, А. М. Горький до последнего вздоха свою оставил пламенным борцом за дело Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Лучший друг и мудрый учитель советской молодежи, творец гениальных художественных произведений, он всегда будет жить в наших сердцах.

Героическая четверка зимовщиков (слева направо): Эрнест Кренкель, Иван Папанин, Евгений Федоров, Петр Ширшов.

ЕВГ. КРИГЕР

ПОДВИГ СТРАНЫ

В последних числах мая 1937 года на Центральном телеграфе в Москве появились канцеляры, подававшие телеграммы со следующим адресом:

«Северный полюс».
Всего несколько дней назад это показалось бы чудомечеством. Теперь же телеграммы с указанным выше адресом не вызывали никакого удивления. Служащие подсчитывали количество слов, щелкали на счетах, взирали стоимость телеграммы и выдавали квитанцию.

Телеграмма передавалась по радио на Северный полюс.

Известие об этом потрясло до глубины души полярных исследователей всего мира. Северный полюс отодвигался для них к таким явлениям, как смерть, катастрофа, гибель. В сознании этих, пытавшихся завоевать его, оживало воспоминание о самом страшном враге человека в этой точке земного шара — об одиночестве. Ни голод, ни угрожающие гибелью мороз, ни усталость не являются так страшны в Арктике, как страшно одиночество. Все ученики, пытавшиеся разгадать тайну полюса, были людьми одинокими в этом героническом предприятии. Всех мир следил за ними, но он следил с любопытством, не болея.

И вот теперь эти люди читали сообщения из Советского союза о том, что на Северный полюс идут телеграммы от руководителей партии и правительства, от друзей и соратников, от родственников, от детей. Дети передавали на Северный полюс сообщение об успехах в школьной учебе и своих отметках. Первые обитатели полюса при содействии всей страны, всей ее могучей техники были обеспечены прочной радиотелефрафной связью с побережьем Ледовитого океана, с Архангельском, с Москвой.

Недавно артисты собрались в Москве на концерт — певцы, скрипачи, пианисты. Все было как обычно: аккомпанемент выступил на сцене к роялю; певица откашлялась; аккомпаниатор сыграл вступление. Концерт началась.

Его слушали на Северном полюсе. Музыка звучала там, куда пытались ранее проникнуть десятки отважных, сильных, но одиночек в своем деревне людей. Из них только один достиг цели — Пири. А сколько погибло на пути? Седов, Андре, Да Лонг...

Голос Неждановой, скрипача Остракра, узбекской народной песни, исполнявшийся Халимой Насировой, неслась над материком, над далекими бухтами, над льдами Ледовитого океана, где никогда погибли корабли умiali от голода и стужи герон-полярники Норвегии, Америки, России, где потерпела катаклизму итальянский дикрикабль экспедиции Умerto Нобиле.

Теперь там слушали музыку. Обитатели Северного полюса собирались в трех аудиториях: это были кабинки трех самолетов. Они слушали музыку из Москвы. Они обменивались впечатлениями, иногда они аллюзировали — тихо, про себя: Москва все равно не услышит. Они называли свои имена. Москва обращала к ним свое слово. Качалов и узбекская артистка Тамара Халум приветствовали полярный лагерь.

На другой день была установлена радио-телефонная связь Москва — Северный полюс. Первый разговор с Москвой произошел на десятый день пребывания экспедиции на дрейфующей льдине.

Что должны думать обо всем этом иностранцы, ученики прежних экспедиций на Северный полюс? Что думает об этом жена русского полярного путешественника Седова, которая помнит трагическую судьбу этого человека, утомленного не столько лицензионными экспедициями, сколько бесплодным хождением по канцеляриям, где он выпрашивал средства на организацию полярного плавания? Что должны думать об этом американских исследователях Арктики и Антарктики, которым принуждены годами собирать средства у частных благотворителей, чтобы совершить экспедицию к полюсу и содействовать раскрытию тайн, волнующих все человечество?

Все они помнят, что самым опасным врагом

их и в период подготовки и в момент экспедиции был одиночество, оторванность от того, что они называли родиной, необходимость действовать за свой страх и риск. Что называли они родной? Министерские департаменты, отказавшиеся субсидировать смелое предприятие Богачей, бросавших прошлые несколько десятков тысяч долларов для прославления своего имени. Немногочисленные соратники-ученые, молча наблюдавшие за подвигом своих товарищей и совершенно беспомощные в тот грозный час, когда приходит сообщение об угрожающей смерчам гибели. Наконец, так называемую публику, с равнодушным любопытством читавшую газетные сообщения об экспедиции, о лишивших, которые они переносили, о смерти героев, павших в борьбе с коварными врагами — Арктикой. Готовясь к смерти, замерзающей в районе Южного полюса капитан Скотт обращался к правительству Англии с просьбой оказать материальную поддержку его родимым, его жене и детям. Герой, добивавший славу для родины и знание для всего человечества, не был уверен в том, что семья будет обеспечена после его смерти.

Вот почему событие, поразившее мир 21 мая 1937 года, когда первый советский самолет опустился на Северном полюсе, для всего мыслящего человечества явилось прежде всего свидетельством величайших преимуществ нового строя — социализма. Вот почему поднял свой Долгопьянов, Шмидт и их соратники рассказываясь во всем мире как подлинный всей Советской страны. Вот почему завоевание Северного полюса в глазах беспристрастных наблюдателей есть прежде всего олицетворение величию и мощи советской науки, которая в СССР является государственным делом.

Эпоха воспитывает характеры. Такие люди, как Шмидт, Водопьянов, Молоков, Папанин, Кренкель, — прежде всего дети своей страны. Их поступки, их поведение в момент опасности, их сплоченность и дружба, укрепленные совместной героической работой, их выдержка и

спокойствие в самые критические моменты экспедиции напоминают нам черты в характере других советских людей: бойцов ОКДВА, пограничников, парашютистов, альпинистов, совершающих переход из Сибири в Москву; лыжников, парящих в снегу за грозовым фронтом; альпинистов, совершающих восхождения на самые высокие вершины в Европе.

Все они совершают в конце концов работу государственного значения. И страна неотступно следит за каждым их шагом. Мы помним, как из всех точек Советского союза были посланы на помощь челоночицам самолеты, дирижабли, корабли, оленя и собаки упряжки — страна в грозный час подхватила людей из экипажа затерянного ладдами «Челоскана», бережно перенесла их на крылья самолетов в одно из северных советских селений. Люди из лагеря Шмидта были спокойны, присутствие духа ни на минуту не оставало их: они знали, что страна вынесет им ледяной плащ.

Американский генерал Грилан, известный полярный исследователь, рассказывает, что в ту решительную минуту, когда в его экспедиции начали искалечь запасы продовольствия, ему пришлось прибегнуть к оружию, чтобы восстановить порядок в коллегии, охваченной страхом смерти. В час, более грозный, когда раздавленные ладьи корабля пошли ко дну, а экипаж его перешел на изрезанные трещинами лед, начальник экспедиции О. Ю. Шмидт, уверенный в своих людях, имел возможность читать научные лекции и доклады. В его записной книжке сохранился план арктической работы на Альбине, данный список тем, интересовавших жителей ледового лагеря. Это были доклады о физиологии человека, о великих путешественниках, о Дарвине, о строении вселенной.

По-разному вели себя люди в экспедиции генерала Грилана и в экспедиции советскогоченного Отто Юльевича Шмидта.

Имя этого человека навсегда вошло в историю арктических исследований. Большевик, ученик и государственно-дипломат, он давно начал проводить в жизни грандиозный план советского государства по освоению Арктики. Несколько лет назад он привел на дальний север две экспедиции, создавшие на берегах

Начальник Северной экспедиции О. Ю. Шмидт беседует с женой и сыновьями перед отлетом из Москвы.

Ледовитого океана научные полярные станции. Дважды пробивал он великий морской путь из Белого моря на Тихий океан. Наконец, его поставили во главе Гавайсомбрата. Под его руководством страна во всему побережью Ледовитого океана метеорологические и радиостанции, научно-исследовательские станции, радиомаяки. Пилоты Молоков, Фарин и их сотратьники совершили полеты над пустынными когда-то землями, и путь им указывали радионавигаторы.

Наконец, в прошлом году пилоты Водопьянов и Малоткин отправились из Москвы в бухту Тихую, расположенную в архипелаге Земли Франца-Иосифа. никто до тех пор не летал в этих местах. Но этот полет не был свидетельством одной лишь отваги пилотов: он был свидетельством понедельной, систематической работы страны, приобщающей к культурным своим землям холода, морозов, дикие пространства Севера. Упорно, шаг за

шагом советские полярники проникали все дальше в белую пустыню Арктики. Вот что в прошлом году наше Водопьянов в этих местах:

— Курс на Тихую я держал по радиосигналу, по радиомаяку.

— Я все время с Маточкиным шагом связь держал. Они мне каждый час сообщали о состоянии погоды, о видимости.

Близкие к полюсу области уже в прошлом году вели между собой непрерывный разговор.

Мой спутник Иванов уздал погоду случайно: подслушав, Бухта Тихая оторвала голову перед глаза на мес Желания, и Иванов перезванивал ее. Мы узнали, что в бухте Тихой видимость — пять километров.

Тогда же Водопьянов рассказывал о советских людях, работающих в Арктике:

— Я не могу не отметить, что я не могу не поблагодарить товарищей зимовщиков. Где бы мы сидели, где бы мы получали активную помощь. Все товарищи на зимовках как бы участвовали вместе со мной в этом перелете.

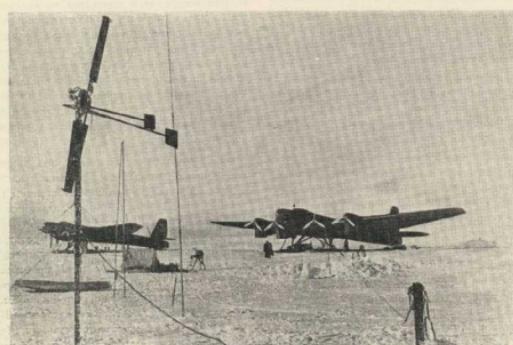
Тогда же Водопьянов побывал на острове Рудольфа. Что же он нашел на острове, где уже с 1932—1933 года зимовали советские полярники?

— Мы посетили склад. В этом складе мы нашли настоящий универсальный магазин. Что только удобно: папиросы, спички, колбаса конченая, ветчину колбасу, цукаты штабеля муки, гвоздики, конфеты...

Проглатывая подробности:

— Ну, на память надо же что-нибудь взять. Бортмеханик Бассей, он, как видно, любит конфеты — он взял конфеты. А я почему-то взял несколько пакетов гвоздики. Зачем это нужно было?.. Ну, зато легко. Я брал то, что могли.

Водопьянов рассказывал все это 27 мая 1936 года через 6 дней после возвращения из перелета в бухту Тихую. Рассказ его записан на пленку. Нельзя слушать этот рассказ без волнения. Начинаешь понимать основные свойства этого человека: абсолютная точность, великолепную память, наблюдательность, умение запоминать все, вдохнутое до молота. Пленка запечатлела его манеру говорить.

Станция «Северный полюс».

Прощание с зимовщиками. (В центре О. Ю. Шмидт и И. Д. Папанин. Слева — радиотехник Э. Т. Кренкель. Справа — М. С. Бебушкин).

Речь спокойна, интонации точны. Он делает ударения на тех словах, которые подчеркивают условия полета, важные для арктического лётчика обстоятельства. Напоминаю он называет часы и минуты посадок, температуру воздуха, видимость на земле и наверху. С особым акцентом произносит он слова: «хорошая видимость», «удовлетворительная погода». И очень серьезно, чуть помедлив, как бы вспоминая в сознании всю тяжесть тамошних туманов, шквалов, бурь, говорит он о плохой погоде.

— Погода там каждый час, каждый час почти меняется. Я не видел, чтобы там две сутки или три погода была устойчивая. Иногда там на глазах (пауза), на глазах погода меняется.

Теперь мы знаем, с какой целью летал в прошлом году Водопьянов в бухту Тихую и на остров Рудольфа. Год назад страна помогла ему совершил испытательный полет в высокие широты — он сам проверил путь к полюсу. Вот почему 21 мая 1937 года он так уверен и точно привел самолет к самой загадочной точке земного шара.

Замечательно, что он опустился на полод 21 мая, а ровно год назад, в тот же самый день, он прилетел в Москву из бухты Тихой. И 21 мая 1937 года в Революционном театре шла премьера его пьесы «Мечта». Когда зрители аплодировали лётчику Беффаманову, осуществившему свою мечту, автор пьесы был уже на Северном полюсе. Внстро осуществлялись самые вдохновенные мечтания советских людей — пилотов, ученых, исследователей.

Не менее удивительно чем лётчики к полету на полосе готовились к зимовке на Северном полюсе Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров. Каждый из них уже имел за плечами несколько лет работы в Арктике. С этой работой все они связаны неразрывно. (Не забудем примечательной детали: биография астро-

нома Федорова: в комсомол он вступил во время одной из полярных зимовок и женился там же, на севере.) Так как страна посыпала их на полосе не для достижения мировенного рекорда, а для серьезной научной работы в течение целого года, каждый из них провел большую подготовительную научную работу по своей специальности. И не только по своей специальности: на полюс осталась на год всяческая помощь. Каждый из них может заболеть, временно выйти из строя, а работу научной станции на полярье приостановить ни на один час. Поэтому каждый из зимовщиков изучал специальность своих товарищей.

Годичная зимовка на Северном полюсе осуществляется впервые в истории человечества. Никто в мире не мог поделиться с зимовщиками опытом. Как оборудовать палатку? Как должны быть одеты обитатели поляса? Чем должны питаться? Что должна представлять собой их походная лаборатория?

На помощь зимовщикам пришла страна в лице крупнейших учёных, научных институтов, виднейших полярников и конструкторов. Вместе с будущими зимовщиками обдумывали они каждую мелочь спарожки.

Полярную станцию и ее четырех работникам решено доставить из Москвы на полосе на самолетах. Общий вес ее вместе с живым весом людей должен быть минимальным.

— Сколько? — спросили зимовщики.

Им ответили:

— 9 тонн, или грамма больше. Сюда входят запасы продовольствия на год, оборудование полярной станции, радиостанции и ваши собственные весы.

И вот в экспедиции начались сборы, пропорциональные к этому жесткому амплитуде — 9 тоннам. Прежде всего живье. Оно должно быть легким, прочным и непроницаемым для холода. Построена палатка, ее переделывали несколько

раз. Состоит она из 4 слоев. Сверху черный брезент, затем 2 слоя гафачного пуху, простеганного, как одеяла, и снизу слова брезент. Одни сделаны наполовину корабельных излон-минаторов. Стекла небольшие. Входная дверь надувная, из резины, обшита она волчьим мехом. Под в этом удивительном живле также надувная. Наполненная воздухом жижа продерживает от холода, идущего снизу. Поверх надувного пола мокрый ковер.

Одежда. Ее особенно прилично выбрали зимовщикам. Папанин раздобыл 150 отборных шкур. Ширшов внимательно осмотрел их и выбрал 50 самых лучших. Зимовщикам сшили маечки мокром внутрь иухи мокром наружу. На тело надевается шофоловое белье, чтобы надетое поверх него шерстяное не раздражало кожу. Чулки мокроные. Валенки приспособлены закрывать, так как самое большое из существующих размеров на чулки не налезают. На головы ушанки из пыжика либо из росомахи. Все это прочно и удобно. Ведь зимовщикам придется работать в палате, не снимая мокрой одежды, так как отапливать живле не удастся: понадобилось бы саником много керосину.

Продовольственные запасы на год заготовлены для четырех зимовщиков Московский институт инженеров питания. Все запасы запакованы в металлических банках, по 45 килограммов каждая. В одной банке продукты на 7-8 дней для четырех человек. Все здесь питательно, компактно и очень мало весят. Зимовщикам снабдили в общей сложности 3 тысячи битых кур. Понадобились бы целая складня, чтобы перенести 3 тысячи кур на полосе. Но из кур приготовлен порошок-экстракт. Кроме того в таблетках же заготовлены чай, бороди, гороховые и первоцветные супы, кисель, компот, какао, кофе также в таблетках. Зимовщики не собираются проводить опыты «консервирован-

ного питания», поэтому их снабдили и натуральными продуктами. Сояхоз «Ленинские горки» приготовил зимовщикам отличную свиные колбасы. Фабрика детского питания имени Бельского доставила 150 килограммов пельменей и 100 килограммов мяса для сибирских и говяжьих отбивных котлет. 500 килограммов пошли на изготовление альпийского соуса. Сока оказалось не много — 10 килограммов. Два раза в день зимовщики рассчитывают получать горячую пищу. Они взяли с собой припасы с бескислотными горячками. Запас топлива ограничен. В сутки придется тратить не больше 1½ килограммов. Сюда входят топливо, керосин для кухни и бензин для радиостанции. Кушаться зимовщикам, понятно, не придется. Чтобы получить воду, нужно пропустить 7—8 ведра снега, а топлива для этого не напасешься. Напанин уточнил зимовщикам тем, что раз в десятидневку, во время обработки научных материалов, плацкарт удастся отобрести, и тогда можно будет, воспользовавшись теплом, отбить тепло спиртом.

Чудеса изобретательности пришлося совершить, чтобы сконструировать легкую, но надежную радиостанцию, оборудование для астрономических и гидрологических работ, лебедку для подъемов проб воды из разных глубин Алевитового океана. Сумели воспользоваться действием ветра, который раньше было только злейшим врагом полярных путешественников. Сделали ветряк, использующий энергию ветра для добывания электрической энергии. Зато лебедку для подъема проб из глубоких оконок пришлось рассчитывать на человеческую энергию.

— Страшина не зимовка, страшина подготовка, — повторял Напанин.

И вот подготовка была закончена. К этому времени Гавсеморатор был оборудован на дадаком, самим северным из советских островов — острове Рудольфа — мощную базу экспедиции.

И вскоре воздушная эскадра бойцовиков, взяв старт в Москве, покрыла 3 тысячи километров и опустилась на аэродроме о. Рудольфа. Летчик Гололий совершил разведочный полет над полюсом. 21 мая поднялся в воздух первый самолет — «СССР Н-170». Всё его флагман летного звена экспедиции Герой Со-

ветского союза Михаил Водопьянов. В кабине самолета, кроме членов экипажа, находились четыре зимовщика, которых сопровождал полярный академик Отто Юльевич Шиман, всегда считавший своим долгом принимать участие в самых ответственных и опасных работах многочисленных полярных экспедиций.

Самолет летал над облаками. Вскоре над ним появились и другие облака. Самолет уверенно шел к полюсу. Механизм выходил на крыло осматривать моторы. Через некоторое время они заметили, что из фланца, в верхней части радиатора, просачивается незамерзающая жидкость, заменяющая воду. Механик Бассейн доложил Шиману о том, что через час один из моторов может выйти из строя.

— Исправлять можно?
— Только на земле.
Шиман подумал и сказал:
— Садитесь сейчас нальява, все закроются облаками. Постараемся дотянуть ближе к полюсу.

Они были абсолютно спокойны.

Должники Водопьянов. Он сразу увидел опасность положения. Прислушалась к моторам. Они гудели дружно, стараясь изо всех своих «лошадиных» сил. Водопьянов решил лететь дальше, но просил не волочить испытанным сообщением остальных членов экипажа: Смирни, Бабушкина и Напанина. Самолет продолжал свой путь. Смирин определял место нахождение воздушного корабля и дальнейшее направление полета. Водопьянов продолжал вести самолет испепулен в сплющенном тумане. Каждую минуту он ждал остановки мотора. Тогда после посадки узнал, что Бассейн, Морозов и Петенки берегли драгоценную жидкость несколько неизбыточным путем. Обмороженная руки на бешеном морозном ветру, они прикладывались к трубе трещину в том месте, где обнаруживалась течь, потом выжимали ее и так перекапывали собранную жидкость обратно в бачок мотора. Мотор работал, германский самолет успел приблизиться к полюсу.

В 11 часов 35 минут Водопьянов совершил блестящую посадку на лед.

Вскоре установлена была радиосвязь с ма-

териком, а затем — с Москвой. Через пять дней с острова Рудольфа вылетел к полюсу три самолета. Вторым летным звеном командовал Герой Советского союза Василий Молоков. Он опустил свой воздушный корабль в том самом пункте, куда отошла за эти дни дрейфующая льдина с летчиком Шиманом. Водители двух остальных самолетов, пилоты Алексеев и Мазурук, совершили посадку поблизости. Через несколько дней Алексеев прилетел к лагерю зимовщиков. Еще через некоторое время к воздушной эскадре присоединился и Мазурук.

На льдине впервые пересекли из палаток и снежных строений. Станция «Северный полюс» существовала, работала и посыпала на Большую Землю метеорологические сведения.

Настала минута прощания участников экспедиции с зимовщиками. 4 самолета поднялись в воздух. 4 человека остались на льдине. Самолеты шли к острому Рудольфа. Дрейфующая льдина уносит зимовщиков в запад. Они работают. Они приводят в действие привезенную Мазуруком лебедку. 2 часа 40 минут длилось опускание. В 6 часов продержались подъемы, взятой со дна океана. И тогда советские зимовщики сообщили на материк о том, что теперь человечеству стала известна глубина океана в районе Северного полюса. Она равнялась 4290 метрам.

Так Советская страна начала свою работу на полюсе, так увенчалась успехом грандиозный план, в обсуждении которого яичное участие принимала товарищ Сталин. Во время до-клада тов. Шиманы в Кремле товарищ Сталин принял глобус и попросил показать ему маркирующий реестр над Северным полюсом.

Это подвиг не только отважных участников экспедиции: это подвиг страны, которая сумела их воспитать. Они учились у нее драться. И они победили.

АДОЛЬФ ШУЛЬЦ

НОВАЯ ПЕСНЯ О ТКАЧАХ

Адольф Шульц — малозвестный рейнский поэт эпохи романтизма 1848 года. В «Новой песне о ткачах», написанной в промышленном тоне, Шульц высмеивает отношение буржуазии к жизни и работе ткачей. В русском переводе сказывается печальность автора.

Плохое время у ткачей,
Но по мне, скажи, по чьей?
А коль не знаешь, так можи:
Во всем инвины лиши ткачи.
Дално изрек простой народ:
«Как поведешь, так и пойдешь».
Пусть меньше блеснут — больше ткут,
Тогда в довольстве зажинут.
Плохое время у ткачей,
Но по мне, скажи, по чьей?
Ведь предстарине наряд
Изицкий надебен нария.
Ткачу сорук не по плечу,
Пусть носит блузу без причуд.
Пусть меньше блеснут — больше ткут,
Тогда в довольстве зажинут.
Плохое время у ткачей,

Но по мне, скажи, по чьей?
Что за беда, коль на обед
Ни мяса нет, ни пива нет?
Или надо жадность обрудать:
Бодай хлеб с солью запинать.
Пусть меньше купят — больше ткут,
Тогда в довольстве зажинут.
Плохое время у ткачей,
Но по мне, скажи, по чьей?
Едва настал воскресенье день,
Уже ткачам работать лень.
С полудни: стоп! И — марин гулить,
Да почні дурка вали!

Пусть меньше броят — больше ткут,

Тогда в довольстве зажинут.
Плохое время у ткачей,
Но по мне, скажи, по чьей?
Вполне для отмы и спон
Довольно четырех часов.
Пора лентям отмыкать
Ложнитси в десяти отдыкат.
Пусть до двенадцати поткut,
Тогда в довольстве зажинут.

Перевод с немецкого
Нев. ЖЕЛЕЗНОВ

БЫТЬ НАЧЕКУ!

Наша гигантская работа на стройке коммунистического общества протекает в условиях непрекращающейся классовой борьбы. Каждый новый успех Советской страны все больше озабочивает врагов коммунизма. Чем дальше мы будем продвигаться вперед, тем больше будем иметь успехов, тем сильнее будут озабочиваться нашим успехом враги разрывать социалистическую страну. В этой борьбе против коммунизма, против Советского союза, в бешеной ненависти к партии большевиков сладеют в один ядовитый клубок агенты Гестапо, иностранных разведчиков, троцкистские бандиты, правые предатели, буржуазные националисты.

Остатки разбитых классов в нашей стране имели прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами Советского союза. «Ошибочно было бы думать, — говорил Троцкий, — что сфера классового боя, то есть борьба за ограничениями пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет место в рамках СССР, то другой ее конец может находиться за пределами СССР, в сферу интересов или влияния других наций, других государств. Об этом не могут не оставаться разбиты классы. И именем по тому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свою отчаянную борьбу.

Так учит нас история. Так учит нас аенизмом. Необходимо помнить все это и быть на чеку» (См. Доклад товарища Стадлина на февральском заседании ЦК ВКП(б)).

Подные троцкистские и бухаринские изменики родины знают, что они никогда не найдут никакой поддержки среди трудящихся нашей страны. Поэтому они боятся масс. Пользуясь ослаблением бдительности, излишней доверчивостью политической слепотой некоторых наших людей, поддающихся двуличиям, врачи проникают в наши ряды и творят свои предательские дела.

История записала на своих страницах имена наиболее гнусных провокаторов и двурушников: Фунзе, Алефа, Малиновского и других. Эти имена являются символами злости, гнусности, предательства и продажности. Нельзя, например, забыть, как Малиновский, прикидываясь преданным делу партии и рабочего класса, хитро маскируясь, проник в ЦК партии большевиков, состояв одновременно на службе у царской охранки. Он предавал де-

телей нашей партии, выдавая охранке целые большевистские организации. Он не гнушался для этого никакими способами и средствами. Так например в 1913 году тот, Свердлов, беря из ссылки и работая в Питере в редакции газеты «Правда», скрывалась от полиции на квартире депутата IV государственной думы мыльного бояльщика Самойлова. Малыновский предложил Свердлову свою квартиру и вскоре вы-

дал его позиции.

Но все эти акты низости и гнусного предательства кажутся мелкими по сравнению с предательской деятельностью фашистских изов: Троцкого, Зиновьевы, Пятакова, Бухарина, Ту-хачевского, Якира и других.

Заветной целью этих бандитов было восстановление власти капиталистов и помещиков в нашей стране. Спиряли свои шпионские разлады под маской преданности стране и партии, эти выродки готовили убийства руководителей партии и правительства, осуществляли властное предательство на различных участках народного хозяйства и обороны нашей страны, пытались подорвать морale Красной армии и подготовить ее поражение в подготовляемой капиталистами против СССР войне.

Враги партии в прошлом неоднократно пытались проникнуть в комсомол, использовать его в своей антипартийной, контрреволюционной деятельности. Альта молодежи, обманываемой ее, насаждая всякого рода «теорий», бро-дя «независимости комсомола от партии», «равноправия комсомола и партии», враги стремятся обезоружить коммунистический союз молодежи, увести его в сторону от борьбы за генеральную линию партии, противопоставить комсомол партии.

Враг понимает, что советская молодежь — будущее СССР, и всячески пытается оторвать молодежь от партии, политически растащить ее. Из наименее политически и морально устойчивых элементов молодежи враг подбирает свои «кадры»: диверсанта, убийц, шпионов, вредителей.

Полузависимой политической беспечностью, ротозеянием, которым страдают многие активисты, поднявшись нарушениями внутриполитической демократии, врачи приносят даже к руководству отдельными компаниями опасность для жизни. Третий враг — прокреационный террорист Ерофеевский, профинансированный на восст сектариях крайовых комсомолов, вымощавший вредительскую директиву, намеренно сравнивая политическое воспитание молодежи. Идеологически нацистская пропаганда Ерофеевского вела к тому, что в местах высшего образования организовывались «спохи людей». Эти становления Ерофеевского подхалимничали перед ним и помогали врагу делать его вредительское дело.

В Свердловске, на заводе тяжелого машиностроения (Уралмаш), матерей троихсот Авралах, называли пост секретаря партийной организации, принимала все меры в том, чтобы развивать комсомольскую организацию завода, сорвать политическое воспитание молодежи. Она открыла призывы молодежи к голоду и голодному шествию, требовала от комсомола массового загрязнения ядерного оружия. На эти злодейские планы лето подводила бывшего секретаря комитета комсомола Уралмаша Израиланта. Сеть политического образования на заводе, по существу, была аквилевирована: не несколько тысяч молодежи работало... пять полугруженков.

Трофим Авербах старательно подбирал себе «молодые кардры». Он приближал к себе нечестивых юнций из комсомольского актива и молодых специалистов, завидравши им, создавал для них и другие алтариты и просто подкупа. Так, он с особой страстью «организовал» быт-секретаря комитета комсомола Израильтя, прокрепки к нему легковую машину, притащившую его к себе на дачу. Израильтя, разумеется, мог устремиться к тому, чтобы прогнать из общества этого человека, но он устроил встречу Авербаху, преподнес ему цветы и усаживая подростка на врагу трибуны комсомольских собраний, давал ему, на протяжении и комсомола.

Группа врагов народа, обосновавшаяся в городе Дзержинске, Горьковского края (Еликин, Калиницкий, Адамский и другие), ставила своей задачей разложение комсомольской организации, разъединение молодежи. Попытавшись своим положением начальника завода Калиницкий, теснясь усердно организованную массу гуляйпольской молодежи, не жалел на это денег и... водки. Он окотил и сам участвовал в этих гуляйполях, наращивая себе авторитет

«друга молодежи», заводя с ней «задушевные» контрреволюционные разговоры. Молодых инженеров на заводе он старался просто подку-

Прикрываясь этой «отеческой» заботой, Казинский и его компания рукали молодежи творили свои вредительские дела. Неслужебный и захвачивая молодого технолога Иванова, создавая ему на заводе лутый авторитет, враги подсунули Иванову на подпись акты об авариях в цехах, якобы произошедших случайно. На самом деле эти аварии специально устраивались вредителями.

О том, как враг вербует себе кадры на чисто политической и морально неустойчивых элементах молодежи, рассказывает также следующий факт. Комиссаров В. в городе Дзержинске был некоторое время без работы и хотел поступить на завод. Об этом узнал совершенно ему незнакомый человек, навсегда откуда приехавший в город Дзержинск. Этот человек стоял на платформе у железнодорожного вокзала. В руках он держал серию «сугубо конфиденциальных» паспортов, дюжно было для совместной вымпелки. Зная, что комиссаров В. нуждается в деньгах, незнакомец предложил ему в долг некоторую сумму. Он обещал также комиссарову помочь немедленно устроиться на завод в определенный цех. В результате за эту услугу он потребовал от комиссарова «сущего пускания». В. должен был давать ему сведения о заводе, о его продукции и т. д. Комиссаров В. не знал, что требует от него незнакомец, но что он sagt, и рассказал обо всем в почтамте, почтамтской.

Всем попыткам врага влиять на молодежь должен быть дан решительный и беспощадный

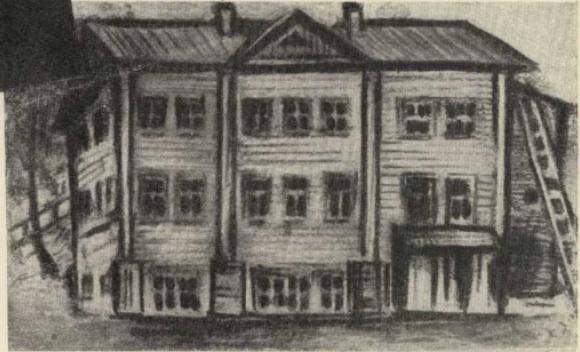
Вся работа антического комиссара направлена в том, чтобы политическая воспитательная мадам спасать ее вокруг партии и советской науки. Воспитывать молодежь — это значит вооружить ее большевизмом, привыкнуть ее боевитости и нетерпимости к каким бы то ни было враждебным выказам против советской власти, воспитывать ее в духе классового сознания, в духе любви к рабочему классу, к правде народа, любви и преданности партии и социалистической родине. Комиссар должен упорно воспитывать в молодежи то чувство, о котором говорил кристальный большевик С. М. Киров: «чувство благородного бескорыстия» за дело партии, за дело рабочего класса, за дело всего народа. Но, помимо этого, большевистская истина не исчезает и не изнается на сорняках. Сказала неискашенная громкими фразами о бессмыслице может каждый, но в то же время можно пройти мимо врага. Бдительность — это прежде всего идеальное вооружение коммунистов, это наделение их умом Альбиноса, способностью видеть, слышать, учитывать азартчиков германского фашизма — троцкистско-бухаринскую падаль.

В комсомоле сейчас проходят выборы — выборы руководителей органов. Эти выборы — замечательная школа подготовки ленинского коммунистического союза молодежи к выборам в советы тружеников. Выборы, проводимые путем закрытого (тайного) голосования, должны помочь комсомолу в разоблачении, прорвавшихся в его ряды врагов, помочь поднять боеспособность организации, уровень и качество ее работы по коммунистическому воспитанию молодежи.

А. М. Горький в 1888—1889 году.

Дом в городе Горьком (б. Н. Новгород), где родился Алексей Максимович Горький.

Юность Горького пришла на 80-е годы прошлого века, времена глупой крепостнической романтики, когда «феодально-казанская, романо-сказочная монархия, тесно сплавившая с капитализмом «зажигательного» типа, нависала двойным гнетом над массами крестьян и рабочих.

Горький иступал в жизнь почти безоружным.

Слободско-Кузнинское училище, в котором учился он в течение лет 1877—1878 гг., было директорием для того времени бесполезной начальной школы для городской белородки, последним, изящным звеном в соломинной образовательной системе буржуазного государства. Но и эта, первая для Горького ступень облагораживалась: нищета выталкивала его из школы на улицу. С десяти лет, расставшись со школой навсегда, он стал совершающим «себя», чтобы начать долгую странствование, и самое первое было ему как уличный и просторя и тесна.

Полутодолине и беспокойные мещане «слободы» вызывали со стороны кичливых, зажиточных мещан «города» и высокомерие и тревогу. «Если бы мне дали там (в слободе. — И. Г.) лучший дом», — писал один из таких самодовольных мещан, — «то я бы уединился в нем и со сквером соглашалась бы жить в Сибирь с казаками-изгоями, чем в кругу родственников и грабителей». Осенью 1878 года Горький вынужден был пойти на «слободу» из «города» на службу к этому «добропородочному» мещанину.

«Я хорошо видел», — вспоминал Горький, — что именно копейка служит солнцем в небесах мещанства, что она заставляет людей лягушек мелкую и прозаичную вражду. «Мелкие лягушки ладили, завидовали, озабочивались, дра-

лись и сумнились из-за того, что сын соседа перебил камнем ногу курчиге или разбила стекло в окне. Малодолично настороженные соседи взывали у них искреннюю радость, они прятали ее за фальшивым сочувствием. Горшки, самовары, морковы, курицы, блинчи, именины, похороны, склонность до ушей и вышиника до спиц, до рюкоты — все что было содержанием их жизни. Казалось, что я заблудился в лесу, в густом буреломе, перепутанном цепями ветерником, в перепутанном, куда ноги уходят по-кошачьи».

Где было искать выхода из этой топкой тюрьмы? Даже книга была на службе у этих томительно скучающих людей. Для развлечения этой среди любичных издателей выпускаемых бульварными переведомые романы типа «Кровавые руки», «Лживой покойницы», «Алской женщины» и т. п. Но и эти книги ободряли лишь выходит из мира мещанской пропаганды, мальчик Горький прорвался лишь цепи жестоких побоев и преследований.

Первый просвет оказался лживым болотным огнем, но и в дебрях бульварной литературы Горький разгадал то, что ему было важно: есть же люди больших страсти, люди упорные в борьбе с какими-либо целями. Кто же из друзей этих книжников, кроме Горького, в будущем реалистического, в Балашеву и Флобера, эти авторы произнесли на него «спечатление чуда».

После выхода из круга бульварной литературы стремительное расширение литературных знакомств Горького шло далее уже непрерывно.

Пушкин, Чайка, Юонуш Горского «просторной и музейной» стиля; «Полозавицкие строки стихи запоминались удивительно легко, укашания празднично все, о чем говорили они... Стихи

звучали, как благовест новой жизни». Берани же пленяли его «странный-тесный» складом этого города с буйным веселением, возбудив у него «неукротимое веселье, желание озорничать, говорить всем людям дешевые, острые слова». За этими авторами последовали другие: Аксаков, Печерский, Тургенев, Веневитинов, Одоевский, Тютчев... «Он этих книг на душе спокойно складывал, чтобы быть уверенностью: и не одни на земле я — я пророк!»

Однако и очень плавкой дозыма была быть вта наядка «не проплыть», особенно в минуты, когда резко противостояла ей, казалось, недоделано вразумительный мир: с одной стороны животное, сырье самодовольство хозяев и с другой — темная тоска, тягучее плющие и терпимая покорность работающих на них людей.

Красочный романтизм книг, разбуженный их призывами, Горький искал и нащадил как-

нибудь ясной правды, «сторой и прямой как ширага»: вооружиться бы ею и уверено идти сквозь жизнь. Но где она, эта правда?

В поисках выхода он устремился в Казань, в университет. Но, когда его мечты об учении обернулись химерой и вынужден университетом, он, называя себя «бездарем», срывал бомбы, опасности приподняв встал на землю и снова. «По всей длине, испытанный мною, — вспоминал Горький о жизни своей с бомбами, — было бы вполне естественно, если бы я пошел с ними. Оскорбленная надежда подняться вверх, начать учиться — тоже толкала меня к книге. В часы головы, злости и тоски чувствовал я в себе вполне способными на преступление не только против «священного института собственности».

В это трудное в жизни Горького время было прямая и страшная для него угроза: пото-

нут в «тесной среде» боярков, в сфере пассивного отчуждения и безголосных поступков, и затем погибнут, как гибы в старое время сотни и тысячи талантливых русских людей, разделанных гнетом эксплуататорского строя.

Спасло Горького его «зловное упрямство», его испод心得ное стремление к честности, к тому, чтобы все видели. Это значение было толкало его к новым для него людям, в среду революционно настроенной студенческой молодежи, на шумные споры «народников» и «радикалов». Горький плохо понимал их споры, но он догадывалась об одном: люди эти готовятся изменить жизнь к лучшему. «Задачи, которые они пытались решить, были чрезвычайно важны, а чувствование явлений, заинтересованных в улучшении жизни этих задач. Часто мне казалось, что в славах студентов звучал мониторизм, и я относился к этим людям почти сожалению, как плачению, которому обещают свободу». Но слова проявления не могли удовлетворить Горького. Испытывая жизнь к лучшему — приступить к этому, не зная, как это сделать. И когда он искал горя в Казани, проведенной в скитаниях по ночлежным домам, пристаням и трущобам, получая постоянную работу кремесадчика, укуда Семенова, он попытался здесь осуществить свою волю и корысту.

Душный заколотый подвал кремесадчика, теснота тяжелой труда без ограничений времени и места, постоянные опасения (в глазах инспектора) «ругательства с неодобрительными выражениями», кухня распаха хозяина с рабочими, ростовщическая казна — все эти крестописческие условия эксплуатации были благородной почвой для революционной пропаганды. Горький старался облечьницу кремесадчиков в один из чувств протesta и организовать нечто кроме стихии. Но забытость, привычка, отсутствие опыта и знаний не позволяли ему попытку на неудачу. Работу в бурной Горькой называла самой тяжелой работой на всех испытаниях. «Мени марксизму обувь лучше и большие книжки казанской булыни Семеновых», — писал он вспоминавший.

Нужно сказать, что и студенты-народники не имели такой формы революционной пропаганды, как организация стачек, у Горького были первые попытки издавать газету, но в январе 1885 г. программа стала десять тысяч листовок на Морозовской мануфактуре.

Горький уходит из кремесадчика и вновь скитается с места на место. Душевное состояние его в эту пору становилось все более мрачным. В минуту тяжелейшего одиночества он задумал покончить с собой встроенным в ствол неуклонно револьвером. Ранее он оставил саму револьверную пушку, принесенную из-за этого разумной и сознательной беспечности юношу, «никогда не хватавшему себя в грудь темпераменту», вечером на Полтавской улице, на берегу реки Казани. Горький потом всю жизнь вспоминал, об этом эпизоде, как о минуте полной слабости. Этот душераздирающий крик, вырвавшийся из глубины сердца, и звезды судьстров своих почесались, что вздыровал на долгу и упорную жизнь.

Горький работает в рыболовной артели на Каспийском море, служит ночным сторожем и весовщиком на железной дороге и уходит с этой службой, окончественно нагло-воровским порядком и издавательским наложением. В новых местах он продолжает прятать свои книги, он строит планы сельской колонии, где он мог бы поселиться с товарищами «без национализма, без хозяина, без унизений!» Это было возвращением прежнего желания единства, «согнаться в тихий угол жизни и там продумывать перспективы». Но такое настроение владело им недолго.

Уход в Кавказию, на которой он бросил службу, в дальнейший путь Горький засунул в свою каскетку потому что тетрадь стихов и поэм «Лесь старого дуба». Горький вспоминал впоследствии, что поэмы эта была написана на поводу одной журнальной статьи под заглавием «Круговорот жизни». Статья говорила о теории эволюции, «а из поэмы», — говорит Горький, — «в памяти у меня осталась только одна фраза: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться» — и, кажется, действительно не соглашалась с теорией эволюции».

Статью эту, послужившую поводом для появления первого большого произведения Горького, удалось найти. Автор ее писал о том, что «историческая жизнь человека не была постоянным движением вперед, а суетой, беспорядком, хаосом». Напоминает ли это то, что было в общем, да и в самом Горьком? Да, это было в общем, да и в самом Горьком. «Наша жизнь, она была в общем, да и в самом Горьком, крохотной, сплошной, пропитанной слезами и кровью».

Против чего там горючие споры и с чем соглашались в своей поэме Горький, неизвестно, но в то время он писал о том, что чувствовал в себе, а также заинтересован был в дальнем развитии, за которое стоял автор статьи, против альянса дьявольского «круговорота жизни», при котором один «социальнй и трудовой гнет» сменяется другим, осталось неизвестным.

Но можем с уверенностью сказать, что пафос первой поэмы Горького был пафосом характера и требовал от людей подвига для возрождения этой земли, «пропитанной слезами и кровью».

«Революция не бояла самоизмененности» — писал Горький об этом впоследствии — да еще в то время чувствовала себя малограмматом, но искренне верил, что можно нарисовать замечательную вещь: я затянулся в нее все, о чем думал на протяжении десяти лет пестрой, нелегкой жизни. Я был убежден, что грамотное человечество, прочитав мою поэму, благоговейно изумится пред тем, как я буду сидеть среди всех, живущих на земле, и тогда же после этого взымет честная, чистая, жизнь — кроме и больше этого я ничего не желаю».

Часть пешком, часть на тормозных плоскостях товарных вагонов Горький из Царинска через Рязань, Тулу, Москву вернулся в Нижний. Через тысячу верст прошел он сам поэмы в память о своем отце.

В Нижнем Горького тогда проигрывал под вывеской подиума немало интеллигентов, высланных из столицы и из университетских городов — так называемых политических неблагодарных. С двумя из них, знакомыми еще по Казани, Горький поселился на одной квартире. И вот в поле зрения жандармов, следивших за интеллигентами, попала фигура молодого рабочего... Революционеры, которых Горький не хотел связывать с «неблагодарными» для спасения им между собой, жандармы делают обвинения в квартре, захватывают бумаги Горького и арестовывают его. И хотя прямых обвинений Горькому предъявлено не было, на словах аристократии его показалась жандармами настолько вредной, что они сочли необходимым отдать его под «легальный надзор» полиции и на приведение в порядок вручить властям. «Это свадьба и мусор», С этого момента и до самого конца самодержавия Горький не выходил из под наблюдения жандармских и полицейских властей.

Недолго прожил Горький в Нижнем. Жадно прислушиваясь к политическим спорам интеллигентов — «народников» и «радикалов», он видел бессильные и решить вопрос об искомой им правде, о тех путях, которыми можно привести рабочий класс к «неблагодарности», которых отбросили лет гордо, хотя и смутно мечтаясь. Где почтиться словопрения, где начинаться работы? «Мне было сноша не ино, почему интеллигенты не делают более энергичных усилий проникнуть в массы людей, пусть жизни которых казались мне совершение бесполезной, вскользь сделанной скучной, а осенено равнодушием и жестокостью в отношении людей, а друг к другу».

Чтобы проконтролировать эту тягостную путь впечатлений, Горький отправляется в большую кругосветную экспедицию волгой, Дон, Украину, Бессарабию, Крым и Кавказ. Эти странственные отходы не были беззаботным, удалским блаженством. «Хождение мое по Руси», — писал Горький в одном из писем, — «вызвало не стремление к блаженству, а страх перед тем, что я иду вперед».

Из Кавказа он вернулся в Нижний, где вспоминал о «своем возвращении». «Наша жизнь, она была в общем, да и в самом Горьком избрана из беспечности попы, организатора расправы, и была за это до полусмерти избита». Ему влезали из босых в кусты при дороге в трязь, «и я вспомнил о своем спасении», — писал мн А. М., — «и полемика «свободы»».

Горький шел по деревням, славившим крестописческим гнетом помешанных, кудахтав, уральников; он видел, наблюдал, как «человека живет блазородно-хитрый, своеобразный мужик, подозрительный и враждебно поглядывающий на все, жуя кашу, сидя на краю поля, супернико и предрасудками, еще более ядовитыми чем пресрасудки муника; работает на земле полосатый крепкий купец, неторопливо наизнанку сидя, законно-взвешивая жизнь». Но Горький не стал бы Горьким, если бы только в то увидел в своих замечательных странствиях.

То было время, когда угнетенные массы нахваливали революционную энергию. Ленин дает замечательно яркую картину, рассказывая об «одном из первых вспышек революционной энергии», когда капитализм «разрушает крестописческую власть земли и заставляет давно уже до-чista обобранный и голодный крестьянин, бросив землю в обществе для управительского разделения между торжествующими рабочими, уходить на сторону, братья по всей России, проводя массу времени без работы, напоминание сегодня к помещику, завтра к помещику, вчера к крестьянину, в этот же день к рабочему, вчерашний рабочий вновь становится помещиком, или, когда рабочий побеждает помещика, становится помещиком, или, когда помещик побеждает рабочего, становится помещиком...» (Ленин. Соч. Т. I, стр. 213). Уже настал массовый могучий противотече этого гнета, и уже горный орел революции — Ленин — речь над этим миром закрепощенного труда, нищеты и эксплуатации, указывая исторические пути к победоносной коммунистической революции.

Горький рос вне большого рабочего коллектива, в деревне, в 1882 и в 1890 годах он попытался поступить в «Сороковский завод», однако получал отказ, но спустя его поиски сплоченного коллектива, поиски рабочей солидарности в труде и в борьбе характерны для всей его молодости. А жадное желание узмать, суметь увидеть, как живет народ на его родине заставляло его бросить все и идти в конец страны батраком, рабочими, просто «проколюхом»...

В Тифлисе, когда притянул своих странствий купеческую, курткую, обзавишившую еще более, но с еще более закаленной волей. И замечательно, что именно в Тифлисе, сойдясь в железнодорожных мастерских с кругом рабочей молодежи, образовалась совместно с товарищами пропагандистские кружки и наряды, таким образом, недоставивший ему коллектива, он обрел устойчивую душевную ясность и силы, а для этого потребовалась спасительная путевка.

Горький уже спохватился и радостной уверенностью звучал его слова в письме к одному казанскому другу: «С рабочими дело железнодорожной чисто и разговорившись. Есть тут один рабочий — Богатырьчик — коршана натуря. С ним мы души в душу живем. Он говорит, что в жизни ничего нет хоронего, а я говорю — есть, только спиртное, чтобы не падать дрины руки хватать».

Онтическим путем, впрочем, Горький в свою странствия, полностью оторвавшись в это первых рассказах. Широта степи, необщность моря, яркость солнца и волы — вот чем питала его родина, и он отвечал на это даром огромной работой для ее счастья, всем подвигом своей жизни.

КЛИМ САМГИН

А бакум, висевший в столовой Сагитовых, придумал отец Клами — Ильин Акимович. Абакум отражал свет не вина, а вперед, на потолок. От этого вино было темнее и вкуснее. В полутора, как сарые терчи, извивались корни драконовидного и монотонно гудели слова о народстве-страдальце, о жертвенном служении народу, об интелигенции и народе. У потока этих тускальных слов, как у потока пурпурных слов рос мальчик Ками Сагитин.

Он старалась выдумывать. Его будто бы оригинальные словечки и вопросы восхищали взрослых. Взрослые считали Клами умным и одаренным. Он льнула к взрослым, потому что дети не любили этого вялого, лишенного настояющей фантазии мальчика.

Калин тоже не любила их. Он никого не любил. Самым слынчевым чувством, доступным ему, было злодействие. Он хотела наставлять других, а не делала этого, будоражила всех и не умела придумать ничего своего, даже слова, умывавшие взрослыек, края у других детей. Поэтому Калин завидовала, и завидовала, стремясь с нейти в товарищи дурмос жалюс то, как они учат, бычи, бычи, га, Калина.

Взрослые, ослепленные книжными словами ничего не понимали. Обмануть их было гораздо легче, чем провести детей. И когда Кларин с остринцами «по-музыкански», в кружок, простирая вперед руку, читал Некрасова, «идиота» акушера Мария Романовна воскликнула пророчески: «Он будет честным человеком!»

Первым активным проявлением будетущего честного человека было предательство. Произошло это неподнамерено, почти невольно. В гимназии — Клим в то время был уже гимназистом — кто-то выбил окно в кабинете инспектора. Клим выпытала имя виновника из находившегося «лихварским духом» Ивана Дронова. Он заставил Дронова произнести имя «преступника» вслух, зная, что разговор и

Предательство совершилось через Дронову. Устами Дронова, Клим был здесь почти не виноват. «Преступника» Июкова исключили из

Так же невольно, почти нечаянно оскорблен Каном горячего и талантливого Бориса Варахину — предмет своей всегдашней зависти. Борис несправедливо сочтён доносчиком и высекали топором по классу. Гордый, самолюбивый малый чик был сломлен, известно, разбит, близко

...Самгин видел возбужденные лица с открытыми ртами, но возбуждение касалось ему не злорадным, а веселым и озорническим (М. Горький «Жизнь Клима Самгина»).

к самоубийству. Пдохонький каламбур «насско-
мое», ударивший Бориса по самому болезненному
месту, нечаянно сорвался с языка Стампилова.
Всегда как-то случалось так, что хорошие, умные
слова приходилось выдумывать с величай-
шим напряжением и брать у других а га-
денья, трусливые поступки рождались сами
собой.

Детство Климова завершила эпизод, в котором трусость привела к преступлению. Самгин мысленно спас и не спас Бориса, попавшего в опасность. Клим трусостью бросил ремень, за который ухватился тонущий. Трусость заставила Клима сдаться, что Борис сам выбрасывал ремень. Трусость помогала ему выскочить из памятной тяжелой сцены, сохранив удобимо в себе все слаженные слова некого скептика, отмывшегося от Бориса: «Да был я малчик-то, может, малчик-то и не был?»

Трусливый, резонансноющий ребячий вы-
травленный в стройного юношу, с движеньями
пламенными и стекленимыми, с голосом нетройким,
но впечатлительным, с суховатым лицом, укра-
шенным дымчатым панесе. Своею дымчаты-
ми стеклами все казалось мутнистым, прип-
аренным «ластиком» сафою сероватой пыли». Под
холющим взглядом блузорукой глаа Сашинги
весь мир распадался на мелочи, на сотни
смешноти, пустячных анекдотов.

Все в глазах Климова было бедно, тускло и чрезвычайно просто. Люди — скучные, однообразные.

разные существа. Чтобы казаться интереснее, они рядятся в пестрые одежды слов, в различные «системы Фраз».

Человеческая индивидуальность для Савицкого — только «система фраз». Он считает себя привыкшим разоблачать обман, сорвать павлины перед, которыми украшаются люди, докопаться до скопривенной, маленькой, жалкой пружинки, которая движет, по его мнению, поступками каждого. Как смущен, как шпион, сладит он к окружающим, чтобы выяснить, что же происходит. И вот наконец ему судьба его знакомство: «швейцарского» кунда Альтова, наименование иронического Туборбова, Макарова, запутавшегося в «женевском диплосе».

Больше всего любит Самгин на-
克莱нить язычки, определять лю-
дей упрощающими словами. Сло-
ва эти чаще всего чужие, ибо по-
степенно кто-нибудь находит нуж-
ные слова раньше Самгина.

Все то, что выходит за границу
упрощающих слов, Самгин считает
выдумкой и ложью. Ложь—все то,
что не могут видеть близорукие
члены Клуба.

Ложью кажется ему красота в природе. Ложью он считает любовь.

Любовь Макарова к Лидии Варвака, доведшая юношу до неудачного самоубийства, для Клима — выдумка, одна из попыток приукра-

сить себя. Его, Смирнина, любовное томление разразилось связью с проституткой Маргаритой, тайно нанятой для него «заболтывшей» ма-терью. Правда, он подозревает винчала, что здесь что-то не то, но дауншифты его «спом-ты» в этом наивысшем мало чем отвлекают от изнадачивания его «первой любви». Вот же чувственность,博物ое любовство, не-какой другой! И об этом, засыпая, Смирнин, вспоминая мильонами страниц, оного этого умракота, пылко! Пылко! «Да была я ма-льчишкой, может ма-льчишко-и в бло-бах!»
И как любить Смирнина? Любовь требует самозабвения, а может ли «Смирнин забыть единственно дорогое ему — себя? Смирнин требует доверия и откровенности, а зачала жизни Смирнина — прятаться. Ещё гнетет постойчивый и тайный страх этого чтобы не прошли в не-то, чтобы не поглотила бы онушка его душевной

ищеты и уродства. Если другие ухващаются пышными словами. Сагин, с детства называвший эту группу слов, чаще всего драпируется в многоизначительное молчание. Маленькая изредка прерывает афоризмы, осторожно заимствованные у других. Макарский этот kostюм, повидимому, выбран удачно. Довольно умные люди считают Сагина умным, довольно чуткие — добрыми, довольно пропонитательными — революционером.

Сагин — революционер!?! Это трусливое, умствующее, себялюбимое создание, постоянно

колеблющееся между «да» и «нет», этот трус и предатель? Но не забудьте, что мы видим Самигу изнутри, тощий в бесподобном анализе Горького позвоная нам проникнуть в его тайны-тайны. А взгляните на Самигу со стороны, глазами его знакомых. Перед вами спокойный, сдержаный человек, много читающий, ничем не занятанный, охотно выпадающий из разговора, поручение говорящий о больших событиях так, как полагается говорить о них тоже мыслящем и глубоко чувствуему гражданину своей страны.

Он — это, так сказать, один из первых участников в революции: его дядя был семьяным, отец «пострадал», наконец, он сам, Клим Иванович Самигин, сидел в тюремной камере, правда, обед ему приносил из ресторана. Разве же он, Самигин, возмущается ужасами Ходыни? Разве же он не презирает царя и красочно — даже слишком красочно — рассказывает о событиях 9 января, свидетелем которых ему довелось быть? Разве же он...

Но случается, как это так, что человек, член запрещенного Симбирского комитета, является агентом тайной полиции, дезертиром, с которого Самигину было настолько легко и хорошо, служит в окраине и, наконец, когда жандармский полковник предлагает ему, Самигину, стать осведомителем. Клим Иванович к удивлению своему, не обнаруживает в себе долинного возмущения...

Нет, конечно, он отказывает полковнику. Клим Иванович Самигин в первых трех томах романа Горького еще не переходит к прямому действию. Он только свидетель, созерцатель, пассивный хранитель. Он еще не нашел себя, он присутствует в романе «системами фраз», пропускает всенародные теории и верования. И при всей его умистой и всенародной деятельности есть у Самигина определенные симпатии и антипатии. Ему явно враждебна «вытузованность» — революционное, действительно учтивое, вспотившееся для Самигина в лице бледшевика Кутузова, он atavistically к пассивной философии бывшего своего учителя Томилина, у него симпатичен утонченный индивидуалист доктор Нехаев.

Происходящее вокруг: демонстрации, стачки, баррикадные бои — кажется Самигину особенно уродливым, никчемным, бесмысленным. По исчадиями своей привычки он жаждет найти во всем этом смешное, унизительное, но, к возмущению своему, найти не может. Около его дома строят баррикады, защитники их несут у него в квартире, но он держится от них в стороне, он ждет не дождется, чтобы они ушли. Попросту Клим Иванович Самигин боится, отчаянно боится за свою шкуру.

Его гнетет животный страх за себя, страх обманутых.

Он и есть обманутый. Под пестрой трубл замысловатых афоризмов, под книжными ханжествами и критицизмом тактической жалкой душонка обманутеля, окуроца, — душонка, «рожденная подзатыльком». И всей пеняностью своей бескорыстной души Самигин ненавидит революцию. Он знает, что ветер сдует с него нозоглоту, обнажит его «яз» во всей его неприглядности.

Загрязненная Самигина с революцией и маком, с ее язвами и болезнями, под, так легко перенимаемых им. Но испытав ее, он не оторвается от нее: Самигин ненавидитнического «красненького» человека за то, что он обманул ожидающих, за то, что он не в силах охранить его, Самигина, от надвигающейся бури.

Чем ближе эта бура, темнее злее и откровеннее становится Самигин. Именем его неизвестно даже называть эволюций.

Мартышинская душа Самигина исподволь меняется. В годы империалистической войны (IV том повести) «временное-обязаный революционер». 900-х годов становится склонен к «бонапартизму». Он трудно встает на защиту «отечества».

Это — его отчество. Старая Россия была подлинным отечеством Самигина. В грязных и тесных ее закулацах во множестве расплодились эти философствующие тарараки. В удальную скучку, в «ерединистике российской» для него было привычно яркого из интеллигентов было привычно. Потом, в годы революции, это избирают в поэты Кутузов, Никоров, Амбаха Сомова, Синявкин. Второй путем увидевшие, гибли моральной и физической.

Погибают хорошие знакомые Самигина, в чем-то похожие на него, тоже немножко «выдуманные», но более значительные, более талантливые чем он. Стреляется Лютов, умирает зарубленный казаками Турболов, расстреляны жаждиль и умный Тагильский. Пропадают полностью. Потом, в годы гражданской, Терентьев и Марина Прекраснова. Только Самигин невредим. Только он приобретает вес и значение, ибо всем существом своим, всем умением опровергает лучшее, что дано человеку, служит он настоящему хозяину страны — капитализму.

Смерть помешала Горькому закончить свою эпопею. Но в набросках и отрывках великий писатель успел уничтожить немножко этого ему героя. Потому что всю свою творческую жизнь большинство писателей, писательницы, писательницы, как бы она ни называлась. Клим Самигин, ненавидящий народ, Самигин, для которого «Ленин — личный враг», в последние годы раздавлен революционным народом. «Проще с дороги тарараки!» — кричит ему матрос в одном из сохранившихся фрагментов.

Нужно ли было писать об этом «тарараках»? Стоило ли посвящать ему тысячи страниц, показывать события огромного значения в тусклом восприятии этого человека? Да, стоило, тысячу раз стоило. И не только потому, что Самигин — высокодраматичный обманутель, наложил свою печать на всю эпоху, на всю подпольную культуру и участь жизни России. Стоило потому, что Самигин живуч как клопы и тарараки.

Горький приступил к работе над своей эпопеей вспомогательной. Он писал ее одновременно с громовыми стихами, защищавшими СССР от клаев. В то время его засыпали письма-эмигранты внешние и внутренние.

Письма эти свидетельствовали о том, что Клим Иванович Самигин еще влечет свое существование.

...В этой массе было что-то необыкновенное для толпы людей: все вокруг Самина поняли это и подавленно притихли (Горький «Жизнь Климента Самина»).

Он влечет его и по сей час. Дурачный, скользкий, ничтожественный, он является время от времени то там, то тут, оскаливая своим движением нашу действительность. Озабоченный на то, что нет ему места в нашей жизни, он гадит, он вредит из-за угла, привносит разные обличья. Разве не Самигин сидел на скамье подсудимые во время недавних процессов троцкистско-фашистских бандитов?

Иншиенный способности большого диктатора, ненавидящий все живое, стремящийся все упростить и оплюнуть, проникает Самигин в искусство и литературу.

К литературе Клим Иванович Самигин тяготел давно, считая равнодушное свое, простижающее из иниции душевной, величественным бессстрастiem писателя.

Проникнув в критику, Самигин опишет лучше, что есть в искусстве. Особенно оно реагирует он на всякую попытку разоблачить его, Самигина.

Не даром пытались затмить истинный смысл романа Горького троцкистские последники Амберах и Борбача.

Этот маленький человечка, Самигина, — опасен для Отечества. Потому что это, что его трудно обнаружить. Самигин в высокой степени владеет искусством мимимики, умелым приспособливаться, сминаясь со средой. Он отлично усваивает чужие слова и жесты. Нужно обладать очень острым взглядом, чтобы рассмотреть под горюческим подицем внешностью его тарараканью душу.

Опасен Самигин еще и потому, что знает: конец его близок. А в том случае, где идет речь об его личной гибели. Самигин способен на страшную злобу. Укуса защищающего свою идиллию Самигина становятся ядовитыми. Тарараки становятся ядовитыми.

Великая волымя Горького в том, что он показывает Самигина во всей ее мерзости, показало-tonко, глубоко, реалистически, без уродов и без щарика. За долгие годы борьбы с ним Горький хорошо изучил его повадки. Разномыслие Самигина над Горьким материала для создания синтетического образа и, может быть, единственным раз в жизни присел на позему, так, как говорят словами повести: «Тарараки тем временем, чтобы будто бы настроены в масла, служат лучшим лекарством от укусов, причиняемых ими же...»

...Кочегар шагал широко... он выдернул шапку из-за ворота, взмахнул ею... (Горький «Жизнь Климента Самина»).

Короче, ему приятны те учения, которые не требуют от него ничего и позволяют ему, Самигину, оставаться Самигиным.

Его настоящее отношение к революции сковалось при первом же столкновении с ней, в тревожные дни 1905 года. В эти дни все

За спиной комсомола

,ВЕРУЮЩИХ НЕТ“

На стalingрадском индустриальном рабфаке произошел такой случай.

На рабфаке не было членов безбожников. Рабфаковцы были убеждены, что верующих среди них нет. Поэтому, когда комсомольская организация решала создать на рабфаке ячейку безбожников, ребята вздохнули за это дело без особого подудевания.

Взяли список студентов, избрали парни — неплохо учится, общественность не слишком загружена, — взвели его и сказали:

— Вот тебе задание: организуй ячейку безбожников! Занеси, проведешь в течение трех дней, в двадцатый, и нет, двадцатидевятого состоям собрание...

На что парень — фамилия его Калинин — отвечал:

— Я не буду... Я верующий.

А дальше выяснилось еще более любопытные вещи. Молодой этот человек звонил своею ячейке, называя ее «запасом», заброшенной тем, чтобы колония завода имела бравый вид. Но, как видно, что-то не понравилось руководству, потому что, взявши начальника колонии, он с горячностью набросился на него:

— Ви зачем стариков набирали? Что это за бороды?

Начальник разъяснил, что бородачу этому около двадцати лет, что убеждал его по христианству, но покрещовать своей колонии отказывается. Вероятно, потому, что бородача роскошно, до пояса, и другую такую выразительную нескорую...

— Да нет, — сказал кто-то из рядов. — Сектант он...

Этот сектант также носил фамилию Калинин и был родным братом студента Калинина. Сектант был и студент. Он сидел не оторвался, что бороду ему мешает сбрить бритвой, и бородата еще что-то насчет отца: мол, бороды он отпускаю проклятия...

Больше ничего не могли добиться от него.

Казалось бы, рабфаковцы получили великолепный урок. Но нет, даже он не сумел пресечь распространение ячейки, ячейки безбожников, организованной, но сектантом Калининым. Рабфаковцы и наиме рассмотривают как заблуждающихся, однако вполне безбожного чудака.

Мы вовсе не призывают рассматривать его как врага. Но следует помнить, что товарищ этот стоит на ложном, опасном, быть может, гибельном, для него пути. В самом деле, представьте себе, что произошло бы на рабфаке, если бы Калинин защищал советские традиции. Не окажется ли тогда, что ученики его секты запрещают ему взять в руки винтовку? Ведь до сих пор известно: никаких сект Калинина, почему она учит?

Калинин одинок на индустриальном рабфаке.

В одной из школ Стalingрада ученик 10-го класса читал на уроке постороннюю литературу. Недовольный нарушением дисциплины, преподаватель заглянул в книгу и обна-

ружил «Камо градски» Сенкевича. Преподаватель сказала, что книги плохие. Ученик, явно с чужих слов, возразил, что, напротив, — историческая и интересная. Когда директор заинтересовалась тем, как попала книга в школу, то said пришел на индустриальный рабфак — тот самый, где учился Калинин. Книга принадлежала другому студенту — Корнееву. Корнеев утверждал, что ничего, кроме польской, от чтения романа Сенкевича детям не будет.

Корнеев тоже ничем не выделялся из среды студентов. Разве что жила чуть шире, чем позволяют рабфаковские возможности. Но он обяснял, что поет в хоре за деньги. В каком хоре? Это было невзначайское название. Две драмы студентов имели обилье имен, пророческих имен, именами были, по его словам, Басинки. После прошедшего в школе Корнеев стал откровенничать.

— Да — признался Корнеев, — я верующий. Пом в церковном хоре. А криком вы меня не возьмете, это еще не доказано, что бог есть. Не доказано? Советские студенты говорят, что верующий — это тот, кто имеет языковой враг. Как же плохо, значит, помогают нам формировать мировоззрение, как же слаба воспитательная работа!

ПЛОДЫ „БЕЗРЕЛИГИОЗНОГО“ ВОСПИТАНИЯ

Долгое время в школах имела ходение теория «безрелигиозного» воспитания (в отличие от антирелигиозного). Сейчас счастья ли кто-нибудь попытается защищать ее, но на деле они попрежнему определяют работу, вернее, — бездействие школы в этой области. Мы говорим только о том, что в школах бездействуют организации безбожников.

Разумеется, это не означает соответствующее утверждение: естествознание, истории и т. д. — отношение науки к реальности? Школа не говорит о боте.

А семья? А блат?

По бракам завод «Баррикады» ходил статистика. Каждый видел это было среди других статистик, — наименее удобных для детей: когда она видела ребенка, то никак не могла удивляться, чтобы не подойти к нему, не погладить его по голове, не рассказать сказку.

Особенно рассказывать сказки... Мы не можем передать содержание ее сказок, потому что едва старушка замечала взрослого, как немедленно ускользала. Но вот, когда она видела ребенка, да еще что им было бесконечно: добрых старушек рассказывают детям сказки. Так она рассказывала без помех, и очень быстро около нее собирались толпа детей. Тогда она начинала обучать их молитвам.

Так кого действуют религиозники, исповедуя любовь к близким, прощая во все времена ошибки, обнимая обуревшего страхом юного виновника на детях, на подростках. На следут заметить, что взрослые имеют сознания в державящихся стоять на реалистических предрасудках. В самом деле, допустим, что в семье есть верующие. АLEGRO же та одна ребенку преодолеть влияние религиозной обстановки?

Вот что произошло в школе, о которой мы уже упоминали.

Ученик 10-го класса был в гостях. Назавтра директор в дружеской беседе спросила их, как они отпраздновали день рождения своего

товарища. Но тут один ученик поправил его:

- День ангела.
- Какого ангела? — удивился директор.
- День рождения!
- День ангела, — значительно сказала ученик.

Директор задумалась. Он поделился своими мыслями с преподавателями, и оказалось, что все знают: этот мальчик верит в бога, часто бывает в церкви и даже присуждивает попу.

Директор решила поговорить с ним.

Мальчик легко пошел на разговор и сказала открыто: — Я верю в бога, верю в то, что теперь меньше боюсь ему всеню. Но еще верю в нестерпим и в перепись записалась верующим. В церковь ходит, когда у него плохое настроение, когда ему грустно или просто лет дengis на кино.

Директор сказала:

— Ну, раз сомнения, — наш долг — помочь тебе разрешить эти. Намето вопрос, а мы со всеми и других ребят, пригласим преподавателей и устроим вечер вопросов и ответов.

В школе бывал отец мальчика, знающий специалист, у него молодой человек. Мать же явно первичка, но склоненная себя. Сын сказала ей, что, очевидно, разговор будет о религии.

— Чем обиязана?

Ей сказали, что школа интересуется будущим своих воспитанников, что у ее сына неизвестно по химии, что семья семи человек. Я говорила ему, что христос, и тот трудиться велась. Потому что он у меня, изволяется ли видеть, верующий (она издавательски прогнула это слово «верующий»). Может быть, вы об этом сделаете газету?

Да нет, — сказала директор.

— Нет? Ну, тем лучше...

И она продолжала: она не слогала досуг сына, его товарищей, его выбор будущей профессии. Потом она заговорила (при сине) о болезненности мальчика (хотя он был вполне нормального здоровья), о дурной наследственности его, о том, как трудно он растет...

— Четвертый арест умирает от мальчика, — рассказывала она. Мы жили не здесь, в гауптштадте, не было. Я думала, уже умер: такой он лежал бледным. И на что надеялась? Тогда ко мне лягнули...

Она явно забыла, что говорила вначале, когда ее слушали хриплым, глаза горели:

— Только на молитвы, только на христа, — говорю я ему. — И он отвечает, что пойдет в церковь и помолится. Боже мой, четыреста лет. Беда виновника в лице, не в силах встать! Но он встает, и я не мешаю ему. Он идет — сам! — в церковь... молится. Он приходит домой. У него свет на лице. Он засыпает, и — я вижу, чувствую! — ему лучше; не горят, он здоров...

Так рос мальчик, и школа избегала разговаривать с ним о бое, «безрелигиозно» воспитывала его.

Но, может быть, он один такой, а остальные ребята все ясно, и мысль о бое никогда

1 Реакционный роман из жизни первых христиан.

не приходит в голову им? Приводим некоторые вопросы, заданные на состоявшемся вскоре в школе вечере вопросов и ответов:

Как доказать научно, что Бога нет? Доказано ли это, и если да, то каким образом?

Правда ли, что спириты вызывают духов? Что было бы туманностью? И даже как понять прохождение вселенной, если отрицать идеалистическое учение?

Вечер прошел удивительно для ребят изчерпывающими, ясными научными ответами.

Но хорошо, одна школа взялась за антигностическое воспитание ребят. А остальные?

«ВИНОВАТ СОЮЗ БЕЗБОЖНИКОВ, А МЫ НЕ ПРИ ЧЕМ»

Стоп только заговорить о свободе антигностической работы, как работники районных комсомола кидают на Союз безбожников. Но спора, Союз безбожников, разумеется, плох. Но разве не союзом для дела? Разве воспитательная работа не является обязанностью всех массовых организаций, а если речь идет о младежи, то комсомол в первую очередь? Вот о чем забывают товарищи. Между тем, там, где наша воспитательная работа слаба,—там, как правило, появляется возможность реанимации.

Из этого кажется, что реанимационные настроения возникли в тех условиях «сами по себе». Это неверно. Не надо думать, что церковники, видя свою агитацию, будут обязательно произносить многочленные речи да еще с трибуны. Они действуют только: как бы мимоходом оброненный совет, иногда сочувствующая фраза, иногда короткий разговор с глазу на глаз.

Но они действуют и подчиняют молодежь своему влиянию там, где мы забыли о них.

Как известно, пасха в этом году совпадала с майским праздником. Святки начались 1 мая. С трех часов для стали появляться в трамваях люди с усаками. К вечеру церкви за рекой Царницей были полны. В толпе виделись не только младенцы. Тут же заметили мы группу девушек, которых можно было сколько-нибудь сказать, необычной формы.

Все девушки работали на заводе «Красный Октябрь» и жили в одном бараке.

Назовем их имена: Шура, Шумишина, Марусь Тимофеева, Марусь Морозова, Паша Камышкова и Шура Маслов — все они младше восемнадцати.

Два или три десятка лет назад геодез, инженерия, строительство, науки, материя, судорожно искали лишь пустяк грошовой, пустяк изыскательской работы. Лишь бы хватило на хлеб. Наших сверстниц привлекали в город не бедность, но изобилие: присыпаные городом в колах машины облегчили труд колхозников. И не они пришли на завод с письмами к директору, а сам промышленник, привлекая молодежь, подписал договор, гарантировавший работу какай-либо из них. Теперь им открыты все пути — только честно работать, только учиться...

Мы разговаривали об этом с девушками. Оказалось, однако, что они смотрят на будущее не очень уверенно.

— Так и будем лежать весь век, — говорят Шура.

Мы говорим, что десятки разнообразных технических курсов открыты на заводе для всех желающих.

— Ну какие же курсы, — отвечает Марусь. — Грамоте быть научены.

Выясняется, что половина девушек неграмоты. Остальные маюют маюют легчайший печатный текст да кое-как подписывают фамилии. И не этих девушек не учится ни одна.

София, запасшаяся учиться, все понимала, что надо, но показалось трудно — и она бросила. Тут бы подсобить, разъяснить, что трудно голово сначала, но никто этого не сделал.

В наубе девушки боятся рисков. Рядом с шестым бараба-

ком, где они живут, есть красный угольный, но на нем памятник он не был открытия разрушен. Это ежевечерне оживало и поглощало другой красный угольный в Зеленом Дарске. Правда, предполагают, что разрушение не связано разногласиями: ни легкий, ни спектакль, ни кино, только гармонист и танцы. Больше ходить некуда, и там коротает свой досуг большинство девушек. Не все: они не ходят, опасаясь пьяных скандалов.

Они остаются в бараке, но нечего и делать. Каждые — проступные головастые посланники зла, в этом же бараке, отбывающимися принудительные работы. Из 9 человек. Эти юродицы осуждены за воровство, хулиганство, расстройства. Они крадут вещи, пускают дикие слухи, оттаратившись бранятся между собой и вызывают на склоне другого.

Они не хотят тратиться на воспитание. «Уот уот! Мамы мы выкушали...» Навязаны девушкам простили поставить им радио, обещано много месяцев назад. Они слушали бы музыку, передали бы из Москвы, радио величали бы их из жизни страны. Радио не поставили. Они просят ярмы: помимо, шапки — тоже обещаны и тоже обмануты. Само обидное, что и бывшие ярмы.

Тут и сказала кто-то: «Юшаны бы вы, девушки, кудыки светите!» Теперь уже забыли, что именно сказали: нет у них из девушек, чисто искренно зашедшая струха.

И они послушались. По дороге зашли в «сторону», но кудыки там не было. Тогда они купили хали и поехали в церковь...

ВРАГ БЕЗ МАСКИ

Когда мы спросили секретаря Союза безбожников Борисовского района Всевилма, знает ли он верующих своего района, в том числе и молодых, он ответил, что не знает и не считает нужным знать. «Задача Союза безбожников, — сказал Всевилм, — вести массовую агитацию и пропаганду, а не заниматься отдельными людьми».

Тут следует сказать, что и массовая агитация безбожников ведут пока пока. Кажды агитаторов не созданы. Под паску областной совет был вынужден отказаться от докладчиков, ради организаций, посоветовавшим обиться, по возможностям, собственным силам. Агитация всегда связана с календарными датами и имеет какой-то определенно общий общий характер. Агитаторы, конечно, не знают, перед кому ему придется выступать в зале аудитории, да и разлагают все больше аудитории, и разлагают все больше залов, с трибуны Дома культуры, клуба, а в бараке, общеизвестно, где агитатор не попадет.

Так что Всевилм не единок. Всегда его точно отталкивают практику работы стalinградской агитации.

— А вот попы и сектанты не считают для себя залогом заниматься отдельными людьми.

В этом самом районе, где безбожников возглавляет Всевилм, баптисты сумели привлечь молодежь на свои молитвенные собрания. На каждом собрании бывает 5—10 парней либо девушек. Большинство состава меняется, но

кто-то стал и регулярным посетителем, например комсомолец Нечев в Потенции. Вообще баптисты — «эдак ли не сама гибкая и активная из реанимозных сект. Энергично действуют они и на тракторном заводе и на «Красном Октябре». На тракторном, в частности, они ведут агитацию в заводской столовой.

Методы их «реанимации» для реанимозных — это сама традиционная православная церковь, последнее утверждают их.

В послеслава завода «Баррикады» жила девочка. Девушка была красивая, парни ухаживали за ней, и некоторое время предлагали ей помечтаться. Девушка отвечала каждому, что чувствует ее делают возможным союз на всю жизнь, но при обязательном выполнении «правого условия» — и в этом случае «правого условия» не было. Слово «правое» в данном контексте означает «хорошее». А так как это есть величайшее таинство, в котором существо поддается, то... пусть ее любят меньше, но пусть ее любят.

Реанимозники, как мы видим, проводят необыкновенную гибкость и «изобретательство». Но иногда они выступают и с откровенно контроллерадиоизом.

В более прошлом времени город враг, если не хотеть превратить стахановское движение, вынуждит стахановцев прекратить их героическую работу. И вот молодые работники промстартов «За кудырский бый» Шестаков и Дровоздов получают от неизвестного отправителя «бесесные письма». Содержание же весьма неоднозначное: обращаются к боям и пророчат удачу рабочим. Дальше китайские требование — разложите и расскажите о нем по новым адресам, причем это подкрепляется угрозой: изъятие наследства на ослушника тяжелой кары.

А вот какой случай произошел на кирпичном заводе № 1. У лучшего стахановца завода, казака по национальности, Кобад Ергалиева родился сын. У казаков существуют обычай, что при рождении первенца не появляются на земле, а старшие братья, а отец одаряется по зарплате. И они имеют право требовать у отца любую вещь.

В Сталинграде казаков немало, но они разбросаны по заводам, и на каждом из всего 15—20 человек. Местные организации совершенно забыли о них. Нет агитаторов, знающих казахский язык, а многие казаки не знают русского. Встречаются среди казаков наряды с чешуйчатыми рабочими раскладушками, бандажами и коллективизацией.

И вот вдруг из Казахстана возродился дикий обычай.

Старши до утра уговаривали Кобада посладить ему, называя, что иначе не будет рожденному сыну.

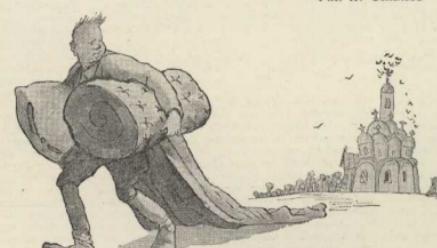
За Кобадом была устроена форменная слежка: что купи жену, затем заходи в комиссионный магазин, куда спрятали новое одеяло? Так что поздравляли хорошо знали, что есть у Кобада. А у него было много друзей. И вот поздравители потребовали от хозяина одежду вещь за другую и вынесли из квартиры Кобад все имущество.

Тут обращает внимание, что в общих случаях враг вынуждает мелкие предприятия перейти на кирпичный производство. Работники комсомольского района вспомнили раньше всего об индустриальных гигантах, туда посыпают азучных агитаторов, инструкторов, а мелкие предприятия забыты. Враг учитывает это. Он понимает, что только в том случае, если отсутствует большая часть и сама воспитательная работа, есть у него надежда на успех.

Там же, где не страдают национальной боязливостью-беспечностью, где умно и систематически воспитывают молодежь, — там не появляются для временных визитов.

Наш долг — добиться, чтобы так было всегда и ни одна лазейка не оставалась открытой для врага.

Рис. И. Семенова

«И вдруг он одр свой, и понес...» подальше от церковного шума.

Трудно работать ледорубом, высекая ледяные ступени...

Фото Д. Гущина

Три высочайшие вершины Советского союза будут штурмовать в этом году отряд советских альпинистов. Всесоветский комитет по делам физкультуры и спорта и СНК СССР организуют экспедиции для восхождения на три гиганта, каждая высотой более 7 тысяч метров. Эти гиганты — пик Сталина высотой в 7495 метров над уровнем моря, пик Ленина высотой в 7127 метров и еще не побежденный человеком пик Корженевского, высота которого около 7020 метров. Все три вершины находятся в глубине Средней Азии, на Памире.

Земной шар не очень богат гигантами, превышающими 7 и 8 тысяч метров.

В Западной Европе, в Альпах, самая высокая вершина, Монблан, достигает высоты всего в 4810 метров. На Монблане Илья Канавераль поднимается на высоту до 5600 метров. Высочайшая вершина Африки, Килиманджаро, достигает 5890 метров. Невысоки горы Австралии. И только Кордианеры — один из самых длинных в мире горных хребтов, тянущийся вдоль западного побережья Америки, — достигают 7040 метров в своей высшей точке Андеса.

В Средней Азии, там, где склоняются границы китайской провинции Синцзян, Афганистана, Индии и СССР, поднимаются выше облаков высочайшие в мире горные хребты

На вершинах

Заслуженный мастер ал-

и вершинами: хребты Гималаи с высочайшим в мире горным Эверест (8882 метра высоты), а также хребты Гиндукуш и Каракорум. Отсюда в глубину Китая проходит хребет Кунь-Лунь с еще не исследованными вершинами, и, наконец, в Советском союзе поднимаются выше 7 тысяч метров хребты и вершины Памира и Тян-Шаня.

Обширные по территории высокогорные области Средней Азии. Один Памир занимает площадь около 60 тысяч квадратных километров. Высокогорные области мало населены. Близко к ледникам и снежным вершинам живут кочевники — киргизы, разводя в горных долинах косматых яков, верблюдов, баранов, охотясь на диких козлов, или кипов, и диких баранов, или архаров.

Несколько меньшие высокогорные области Средней Азии, там, где текущие с ледниками горные реки орошают глубоко лежащие долины, появляются первые деревни, первые поля, первые сады. На советской территории эти поля и сады принадлежат таджикам — одному из древнейших народов Средней Азии. Таджики, как и киргизы, кочевали, перебирались к востоку от Памира, у подножия Куни-Луны. Примитивная жизнь кочевников и оседлых жителей горного Афганистана и Северной Индии. В течение веков, проживая у подножия высочайших гигантов земного шара, эти племена не научились еще подниматься на хребты и вершины. Полуоголенное существование, непрерывные кочевья со стадами, боязнь неподобающих людей, страх перед смертью, придала своей отечатке на жизнь и быт индийским, поголовно неграмотным и находящимся во власти религиозных суеверий. Города Китая, Индии, Тибета, Афганистана обожествляют вершины. Они верят, что змеи духи, живущие на ледниках, стремятся побудить людей поклоняться им, обладающим сверхъестественной силой, территорией.

Только Таджикистан — цветущая советская социальная республика, живет иначе. Кроются таджикские колодези. Созданы гидростанции на горных реках. Высоко в горах строятся метеорологические станции, изучающие климат, ведущие наблюдения над режимом ледников и лавинами, цветущими для советской службы горной. Суровые горы раскрывают свои богатства экспедициям, отдают золото, олово, ртуть, серу, молибден, циркон и аллатит, другие ценные минералы.

Много жертв было принесено экспедициями, проникавшими в высочайшие горные области мира!

Английские топографы и офицеры албанской частей в течение десятков лет изучали пути и перевалы к Тибету, Афганистану, Китайскому Синцзяну. Разведка перевалов входила существенной частью в планы высокогорных восхождений. Неудачи первых штурмов содраны вокруг восхождений на высочайшие вершины мира своеобразной орешкой. Все выдающиеся горные вершины Китая нечетко вились перед глазами. Стремление покорить Памир подталкивало нас — 7- в-тысячников гигантами.

Большие трудности встречал человек, пытающийся подняться на высоту 7 тысяч метров над уровнем моря. Все более и более разреженным становится воздух. Поднявшись до 4

урачущие ВЕРШИНЫ

инизма Л. БАРХАШ

тысячи метров, уже приходится экономить каждое движение, максимально облегчать груз. Чем выше подъем, тем труднее становится дышать. Такая работа, как надевание ботинок, уже весьма утомительна. А на высоте в тысячу метров, зашнуровав одни ботинки, приходится переворачивать дыхание, раньше чем взяться за другие.

Разреженный воздух затрудняет продвижение вверх по крутым склонам. Трудно разбогать ледорубом, выsekать ледяные ступени при подъеме. Глубокий снег ползет под ногами. Провалившись по пояс, тяжело дыша, альпинисты

стремительно, с остановками через каждые 10—15 шагов, идут вверх.

Опасна также низкая температура горных районов. В июле, когда в полях и садах Средней Азии температура воздуха достигает +40 градусов Цельсия, на высоте 6 тысяч метров стоит ледяной мороз. Защита от холода затрудняется тем, что человек находится вдали от жилья, несется обгоревшими, несильно развести костер. От холода, от леденящего ветра можно укрыться в палатке или в пещере, вырытой в снегу или прорубленной в ледяном массиве. Надежную защиту от холода дают еще пуховый спальный мешок, меховая шапка и шарф из ягненка. Каждый тающий снег промывает палатку или спальный мешок, носки и руки становятся холодными, становятся угрожающим. На высоте 6 тысяч метров уже нечелу сушиться. Быстро отдает тепло промозглая одежда, леденеют отсыревшие рукавицы и носки, отмерзают руки и ноги. Трагедия 1936 года, когда участники восхождения на вершину Хан-Тенгири потеряли пальцы рук и ног, а один из них умер в результате обморожения, говорит о том, что даже самые опытные бородатые альпинисты не могут противостоять. Об этом говорят и штурм высочайшей вершины Америки, Аконкагуа, весной 1937 года, когда из состава участников двое погибли, а двое лишились рук.

Поэтому на штурм 7- или 8-тысячных вершин должны идти только наиболее опытные альпинисты, хорошие подготовленные, хорошо снаряженные.

* * *

Первая 7-тысячная вершина была побеждена в 1851 году в Северной Индии. По заданию английских топографов, несколько жителей Пенджаба поднялись на вершину Шилла, в

Гималаев (высота—7025 метров), и поставили там топографический знак. Не сохранилось никаких описаний этого выдающегося восхождения, кроме имен, солевиняющих его.

Продолжая десятки лет, прежде чем лучшие альпинисты Европы сумели достичь такой же высоты.

Через несколько лет после окончания мировой войны 1914—1918 годов разгорается очесточная борьба альпинистов за покорение 7- и 8-тысячных гигантов. Одна за другой около 30 экспедиций направляется в Северную Индию. В состав этих экспедиций мы видим англичан, немцев, итальянцев, французов, американцев, австрийцев.

Обоюдное существование борьбы развертывается вокруг Эвереста. Англичане зорко стерегут свое право победить высочайшую вершину мира. Этот гигант, открытый французским миссионерами 200 лет назад, был назван тогда на языке тибетцев Чомолунгой по имени местного божества. Англичане впервые увидели высочайшую вершину мира в середине прошлого столетия и дали ей имя одного из крупных английских чиновников.

Первый штурм Эвереста был предпринят в 1921 году. С тех пор Эверест безуспешно привораживал одно за другим пять английских экспедиций. Согласно оценкам, носили продовольствие в лагерь, организованный на ледяных склонах. Но, даже поставив палатку на высоте 8350 метров, куда горники добирались 8 носильщиками с грузом, англичане не смогли достичь вершину. Участники гибли от перенапряжения: не выдерживали сердце. Гибли от снежных лавин. Гибли от неизвестных причин. Так, в 1924 году по неизвестным причинам погибли выдающиеся английские аль-

Снежная лавина на южном склоне пика Сталина.

Фото В. Маслова

линики Мелори и Ирвина. Они двинулись вверх из лагеря, расположенного на высоте 8350 метров. Из видел последний раз на высоте 8632 метров, на 240 метров ниже вершиной. После этого облако закрыло Эверест, Мелори и Ирвина исчезли в тумане, и больше ни никто не видел. Тогда в 1934 году экспедиция под руководством Рутасдэна нашла на склонах Эвереста ледоруб, принадлежавший Мелори.

Почему остаются безуспешными все попытки взобраться на Эверест? Помимо высоты и трудности реальфа, особенно на последних 500 метрах подъема к вершине, мешает неустойчивая погода: муссоны — ветры, дующие от Индийского океана в северу, постоянные бури и снегопады. Если учсть, что муссоны дуют большую часть летнего времени, станет понятной безупречность попыток альпинистов.

Оставил только за собой право победить Эверест, англичане допускали альпинистов других государств к штурму меньших великанов Гималаевских гор и Клодакоумы.

Несколько экспедиций проложило путь по склонам Канчен джинга, третьей по высоте вершине мира (8588 метров). 12 экспедиций оставили здесь 8 трупных участников, не считая погибших иносацльчиков, количество которых полностью неизвестно. Все экспедиции отступили, не достигнув вершину.

Трагическими эпизодами отмечены и попытки штурма Найге-Парбат, восьмой по высоте

вершинами мира (8130 метров). Самой высокой вершиной в мире, побежденной человеком, является Камст, в Гималаях (7755 метров). Сюда поднялись в 1931 году англичане Смит, Шептон, Бирни, Грин и ирландцы Лава и Синкл. Всего этого героям прививали при этом восхождении носильщики, несли груз и устанавливавшие промежуточные лагеря.

Первое советское восхождение на 7-тысячную вершину совершили украинские альпинисты. Мастер альпинизма М. Погребецкий вместе с тт. Зауберером и Тюриным нашел путь на высочайшую вершину «Небесных гор» (покитайский — Гянь-Шань).

В течение трех лет Погребецкий во главе украинской экспедиции исследовал ледники и перевали Тянь-Шаня. Постепенно, пробив путь к подножию Хантиген, Погребецкий тщательно разработал план штурма этой вершины. Заглатывавшему на ледник были проведены заблуждения, заброшено продовольствие, организованы промежуточные лагеря.

шиной. Соревнование опасности старейшины спорта. Это опасность была связана с авивинами, с крупной скакуною. Были случаи, когда на учащихся герояческого характера ссыпалась сабля из руки учителя. Вероятно, это было обиделено. Жестокий колод тягобил энергичных линий, по раздроженным воздухам взвевавшим олимуки. Можно было делать только мелкие, строго разрешенные движения, иначе не хватало дыхания. На шестые ступени штурма поднимались на спине, сидя на коне, сидя на вьючке альпиниста, поднимались Химонгом. Большого внимания требовался слух вина. Мудрый посмотрительность Погребского и оторопе. Зуберера помогал спуститься благополучно. Победители, здоровы и непреклонны, садились на коня и удалялись в основной лагерь, где же лежали альпинисты. Это были крупнейшие, пейзажи восхитительной величины.

Только через несколько дней, когда утихла буря, тов. Крыленко поручил группе командиров возобновить штурм пика. Командиры Черкас и Лукин и мастер альпинизма В. Абсолют был благополучно достигли вершин и вернулись в лагерь. На пике Ленина они установи-

самый высокий в мире памятник В. И. Ленину.

Высочайшая в СССР вершина — пик Сталина (7495 метров) — была открыта сравнительно недавно. В 1928 году советско-германская экспедиция определила, что самой высокой вершиной Союза является пик Гармо, давший начало леднику и реке того же наименования. Лишь позднее усилами экспедиций тт. Кримского и Горбунова удалось выяснить, что здесь находится синибка.

Мне удалось вместе с чест. Крамленко податься в 1932 году на крахет Академии на Памире. Очень трудный подъём происходил по склону большой крутизны. Мы рубили ступеньки не только для ног, но и для рук и окрошивали их кровью, чтобы не скользить. Ступени делали из камней. Поднявшись, мы обнаружили бешенственную вершину горы Академии, мы увидели рядом, немного ниже Гармо, а к северу от нас, на хребте Академии, поднимавшую кверху могучая вершина, рядом с которой ник Гармо казался маленькой горой. Проверка высоты показала, что эта могучая вершина и является высочайшей в СССР и что эта вершина безымянна. Герячая просьба всех альпинистов присвоить вершине имя великого врача народов было выполнена. Вершина получила название «Пи-Сильвий».

Штабом ленинцев было организовано в 1933 году. Отряд московских альпинистов под руководством Н. П. Губорунова проложил путь по северо-восточному ребру пики Ставриана. Около 800 метров верхней части было использовано для спуска на канате. И все же путь подъема не обходился без веревок. Удивительно, что в отряде альпинистов Николай Ешил был единственным учеником. Самой вершиной достичь Е. Абакумова, который наследил метры пути ему приходилось уже позже на четырехвершинке. Достиг вершинного гребня, но не успев спуститься на северную сторону, он упал с горы в кипящий поток лавы, вода которого отмывала с обрывов и камней. Остальные участники удалось добраться только до 7 тысяч метров. Сейчас к штурму пики Ставриана и пики Ленина готовятся новые отряды альпинистов. Путь к пику Ставриана и пику Ленина будет не менее узок, разведанных направлений. Но это не уменьшает трудностей и опасностей экспедиции.

Потребуется чрезвычайная осторожность и организованность, чтобы участники могли благополучно избежать заносов и обвалов, обеспечить себе надежное охранение на крутых, скалистых склонах.

В трехдневный путь от пика Сталина участники встретятся с первой серьезной опасностью — переправой через реку Мук-Су. Стремительные воды этой реки поглотили немало жертв из состава памирских экспедиций и разведчиков азота. Поплавки, тросики, замыкавшиеся пакеты из

На пике Ленина будет подниматься отряд альпинистов Среднеазиатского военного округа под руководством мастера альпинизма из Москвы и других городов. Здесь наибольшую трудность представлят лавины, от которых монголы укрываются только в ледяных пещерах, и снегопады, которые могут привести к опасным сползаниям лавин, немножко замедляющим быструю ход погони. Вместе с тем все снаряжение должно быть легким, так как очень трудно на больших высотах передвигаться с грузом.

Пик Корженевской, открытый около 30 лет назад географом Н. А. Корженевским, долго считался неприступным. Лишь в 1936 году альпинисты Данилладзе и Гусак нашли первый путь на третью по высоте вершину Саянов — Пик Корженевской. Этот путь был предпринят группой из трех человек, но вскоре осталось еще 600 метров труда, не доступного путем. В этом году отряд из 16 альпинистов планирует готовиться к восхождению на

Целительная подготовка, учет всех мелочей нужны для того, чтобы подъем на вершины трех «семицветников» Советского союза прошел вполне благополучно. Тесная сплошность, постоянная готовность прийти на помощь друг другу, большая физическая выносливость, зоркое внимание, знание всех требований алтайской техники — вот что требуется

Рой ФЛЭНЭГЕН

Mylan

МАРКЕР Тиント был поверенным по делам Адри Кари. Невидял до того как прибыл газеты из Сити и над городом раздался гром сенации, Карри вошел в контору Тиントона. Он был мулат, Адри Кари, сын евреинки и белого, и всегда имел вид уравненного, делового человека. Но сегодня он был неизвестным. Куда делился его достоинство и самоуверенность? Пот ала с него градом: белый полотняный костюм обвис как мокрая тряпка, жалеют лицо покрепчал так, что Кари походила на негра белое чеснок.

Он попросил разрешения опустить шторы и запереть дверь. Затем он стал у конторки, дрожа всем телом, и заговорил, глотая слова.

Майор с трудом понимал его. Мулат рассказал о старике Кинге, отчаянно пытавшемся и доброшися, бывшем некогда старшим судьей в городе. Мулат упоминал имя гробоножца Снейпса и газеты Сити.

— Никто этого не знает, — говорил Арм Кари. — Никому не приходило в голову, что судья умер здесь, в Руфтоне. Ниже пояснил он, что в тот вечер, когда Арм Кари спрятал в ящик в своем магазине по улице Принцессы, было около трех тысяч ногтей. Наутро, напротив того, лежала старик-судья. Он был парализован, сыр, парализован и не мог подняться. Он лежал, свесив ноги в водосточную канаву, и был совершенно пьян, сыр, пияв и парализован, и было страшно ходить, и никого из мыса, кто бы мог помочь ему, ни единой душой, и так как...

Арм Кэрри никому не рассказывал о Кинне. Он решил взять на себя все заботы о старице. Никто в Руфинтоне не заметил отсутствия старого судьи.

— Всё понимаю, мабор, я знаю, что скажет белая публика, если проявит, что я, сын не-гритинки, забочусь о старике Кинге. Я должен был держать все это в секрете... Да, сэр... Сисиана — яdstоя прекрасно сидела, не-гритинка из Балтимора — вынуждена была захоронять все доверие и сина, когда он убушевал. Я не показывала ему на глаза. Если бы старик узнал, что негр спасший его расходы, он поднял бы такой скандал, такой скандал! Я притащила врача из Атланты. Врачи и болели, сир.

Арк Кызы вытер рукавом свой мокрый лоб.
— Я не предполагал, что он может умереть, сэр, и предполагал о нем, я испугался. О нем забыл все, все без исключения, но я не знал, что делать! Я растерялся, сэр. Я все думал о том, какой он был прекрасный человек, пока не погубило его вдова! И какой отчаянны! Каких чудесных он держал лошадей! Он разъезжал на деревянной улице, когда я был мальчиком! Бывало крикнули: «Бот он едет! — и мы, мальчики, выбегали, смотрели! Он была очень

и мы все выбегаем, смотрим: Он был очень красив, даже большой, а мертвый он выглядел таким же молодым, как в те времена, когда правил шестеркой бешенных рыцарей.

долго смотрел на него, майор...

Мулат остановился и кинул взгляд на дверь. На улице было тихо. Майор Тинтон дрожал теперь не меньше своего гостя.

— Доктор из Атланты послал удостоверение о смерти Кинга в штат, и все было в порядке. Но нужно было его похоронить. Я при-

пуган, сэр, но я... я не хотел никому отдавать его, сэр! Я действовала как дурак. Словом, я пошел к гробовщику Снейпу. Я дал ему два фунта стерлингов и говорила им: Ночью мы прорвемся сквозь Кинга...

Майор Титон с трудом старался сохранять спокойствие.

— Мы похороним судью Кинга на кладбище Маунт Морна...

Майор Титон подпринял на стул, вскочил и побежал к дверям проверить запор.

— Всемогущий бог, на негритянском кладбище!

Кары была теперь спокойнее своего поверенного.

— Подождите, майор, не убегайте! Я знаю, что это значит, но вы должны помочь мне. У меня не было никого выхода. На Маунт Морна у меня откушено ползрачка. Я похоронила Кинга под маленькой камнем из грузинского мрамора. Мы сравняли место так, что могила казалась старой и никто не знал, где лежит старый Кинг, никто кроме меня не догадался.

Арм Кари снова вытер пот.

— Снейп арестован за продажу недоброкачественных гробов. Полиция прищутила его, и он начал болтать. Он признался во всех своих темных делашиках и рассказал, как я уговаривала его похоронить белого человека на негритянском кладбище.

Майор шел из угла в угол.

— Иди, Мария, Арм!

— И об этом написано в сегодняшних газетах Сити.

Майор прошел рукой по волосам.

— Арм, я принужден убить вас из штата!

* * *

К семи часам поезд привез газеты из Сити. Весь городок зашумел как улей.

Белый человек на негритянском кладбище... Судья Кинг Стэн, судья Кинг, бывший почетным гражданином города, пока его не погубила вода! Судья Кинг похоронен на негритянском кладбище!

К восеми часам четверть банды тускнела по городу в поисках Арма Кары. Бородане в Атлантическом центре, на главной улице, бросали игру в кеги. Молодые люди, имеющие блестящие и первый киносеанс, отвели домой девушки и вернулись с пистолетами отцов в карманах.

Лейтенант Робинс, железнодорожный стрелок, стал глядцем толпы, собирающейся напротив гаража Амелиана. В Бактауне, негритянском поселке, здесь находились контора и квартиры Кары. В окна второго этажа падали камни. Толпа росла. Плансымы — их было только шесть в Руффинтоне, — узан в чехло, удалялись.

Но мулета не оказалась дома. Банда, возглавляемая юнкером Диком Баттом, обмыкала весь Бактаун, тщетно разыскивая Кари. Эти люди также бросали камни в окна, стреляли из пистолетов.

Когда все окна в доме были выбиты, пайка Лема Робинса отправилась к тюрьме. Шерифа не было, за них откомандирована целая отряд. Ей подчинен с постами и заставами по казать тюрему. Предполагал, что Арм Кари укрылась в лесу.

К восеми часам обе банды соединились у тюрьмы. В темноте то и дело раздавались выстрелы. Говорили, что Арм Кари — убийца старого судьи, поэтому он и похоронил его тайно на негритянском кладбище.

Толпа жаждала действий: она двинулась по улице к станции, увлекая за собой прохожих. В Бактауне гаражи, остановлены. Лем Робинс, троих дружков-юнкеров, призначены разбить двери и подожечь здания.

Пригласила поваренная команда, во привезенная книга была разорублена пополам. Аоди, наливавшие кровь, искали в толпе нетров.

Зарево освещало лицо Лема Робинса. Расстреманный, с дико горящими глазами, он встал на колени и, подняв руки, поклонился в сторону кладбища. Толпа хламнула за своим вожаком.

Тем временем в Руффинтоне угрожал Арм Кари в доме поварихи Тэйлор, шеф по инспекционно и станции. В неба стояло зарево. Титон подошел к месту пожара как раз в тот момент, когда Лем Робинс повел толпу на негритянское кладбище Маунт Морна.

Маунт Морна мало чем отличалось от кладбищ белых. Разве только тем, что не все негритянские могилы имели надписи и на некоторых вместо памятников красовалась старые стенные часы или вечные календари, по которым в сундук дней мертвых могут узнать время.

Толпа ворвалась через железные ворота как стая разъяренных хищников. Озверевшие люди с естерзением ломали и билли все, что попадалось им на пути. Кто-то разбил большой костер, пламя осветило поле битвы. В огонь бросали доски с братской могилы, ветки полузрой розы. Сваливали высокий гранитный столб и разбивали им стены.

Майор Титон хотел уйти, но его точно заинтересовала эта сцена. Толпа горделива. Костер все рос, плямя охватывало маленький лесок за кладбищем.

Лем Робинс следил за костром. В багровых отблесках его Лем Робинс был страшен. Люди произительно перекликались над могилами. Костер трещал и стrelal тысячами искр в небо.

Огонь был настолько ярким, что от него до стоявших вдали камбасовиков камни. Человек огромного роста тащил срубленного деревя к костру, сметая ветками цветы с могил. Другой сбил аоли голову гранитного ангела — она покатилась по дорожке.

Было уже за полночь, когда нашли кусок грузинского мрамора, украшавший могилу старого судьи Кинга. Огромный мужчина вступил в комбинезоне притянул его к костру и покалкал Лему.

— Достаньте труп! — скомандовал Лем Робинс.

Но человек, принесший камень, не смог указать места, где он его нашел. Решили копать землю всего кладбища две глубокие канавы. Копали до грунтовых вод, копали до тех пор, пока не вышла запас виски. Костер догорал, мерцая оранжевой грудой углей...

Могила судьи Кинга так и не была обнажена. Впоследствии, когда городской совет решил восстановить кладбище Маунт Морна, сюда была сделана попытка найти тело, но безуспешно. Судья Кинг так и остался лежать на негритянском кладбище.

На другой день после погрома Руффинтона выглядел очень смешным городом. Только по Маунт Морна бродили группы нетров, опакинав парусиновой покой своих меरтвцев.

До памятника судьи Кинга не дотрагивались более месяца.

Позднее майор Титон любил демонстрировать это публике, рассказывая, как «трущобы» Руффинтона аничкали негритянское кладбище.

Он видел любопытных к зданию прозвищами: «Камни», «Камни-камни», «Камни-камни как крам дрейней Гренни». Там, в парке напротив главного входа, лежала небольшая мраморная глыба, перенесенная с кладбища Маунт Морна. Края ее были отбиты.

Майор Титон тихая память в камень и поворачивал его ногой на другую сторону. На запачканном землей камне были выбиты два слова, короткая надпись мулета Арма Кары на могиле судьи Кинга. Надпись гласила: «Мой отец».

Перевод с английского А. БЫЧКОВСКОЙ

...Толпа ворвалась на кладбище как стая разъяренных хищников...

Всемирное племя рыболовов было завоевано: в деревню приехал из Москвы всемирный бритый старик с длинными серебряными зубами. Он тоже ловил рыбку.

Говорили, что этот старик был в свое время владелецем знаменитых логовых ашадей и первым автомобилистом в России. Он даже по-лучил приз — серебряный подстаканник — из первых автомобильных гонок. Старик гордился на старинной машине, похожей на извозчичью пролетку без ободьев.

Деревенские мальчишки заглядывали старику в рот на искусственные зубы, сделанные из нержавеющей стали, и шопотом передавали друг другу, что старик отца себя зубы не имел, как из этого серебряного подстаканника.

Старик ловил на спининг — английскую удуочку с блесней, искусственно никелевой рыбкой.

Мы презирали спининг. Мы со злодростом следили за стариком, когда он терпеливо бродил по берегам озер и, размахивая спиннингом, как кнутом, неизменно выволакивал из воды пустьбу блесни.

А тут же рядом Ленька, сын сапожника, таскал толстые окуньи не из английской лески, стоявшую сто рублей, а из обыкновенной веревки. Старик вздыхал и жаловался:

— Жестокая несправедливость судьбы!

Он говорил с мальчишками очень вежливо, на «вы», и употреблял в разговоре старомодные, давно забытые слова.

Однажды мы пошли с ним на Прорву. Луга еще не были склонены. Ромашки хлестали по колени, конский щавель хватал за ноги, как западки.

Старик шел и спотыкался о травы, повторяя:

— Какой аромат, гражданс! Какой упоительный аромат!

Старик не зевал. Мы давно уже знали, что все рыболовы делятся на глубоких неудачников и счастливцев (у счастливцев рыба входит даже на дохлом червяке). Кроме того есть рыболовы-зависники и рыболовы-хитрецы. Хитрецы думают, что они могут перехитрить любую рыбку. Но никогда в жизни я не видела, чтобы такой рыболов перехитрил даже самого серого ерша, не говоря о плотве. С зависником лучше неходить на ловлю: клевать у него все равно не будет. В конце концов, покуда от зависни, он начнет подыскивать свою у遁у к вашему, спешат грузинам по воде и распустят последнюю плотву.

Старику не зевал. За один день он обрывал о корягах не меньше десяти дорогих блесен, ходил весь в крови и опухолях от комаров, но не сдавался.

Один раз мы взяли его на лесное озеро. Всю ночь старик дремал у костра, стоя, как лошадь. Леня на сырную землю отошел. На рассвете мой товарищ Рувим зажигнул яичницу с салом. Сонный старик хотел перепаршивать через костер, чтобы достать хлеб и сумки, спотынулся и наступила огромной ступней на яичницу.

Он выпирнула ногу, вымазанную яичком, тряхнула ее в воздухе и ударила по кувшину с молоком. Кувшин разбился на мелкие части, и прекрасное топленое молоко всосалось у нас на глахах в мокрую землю.

— Виноват, — сказал старик, извиняясь перед сквородкой.

Потом он пошел к озеру, опустив ногу в ходячую воду и долго болтал ее, чтобы смыть с ботинка яичницу.

Мы с Рувимом две минуты не могли выворотить ни пальца, а потом ходили в кустах до самого полудня.

Мы знали, что раз рыболову не везет, то рано или поздно с ним случится такая сильная неудача, что о ней будут рассказывать по деревне не меньше десяти лет. Наконец, такая неудача случалась.

День этой неудачи выдался солнечным и беззмянным. Безветрене стояло над Прорвой. Даже листья не шевелились и не показвались серебристой изнанкой, как это бывает даже при легком ветре. В нагретых трафах «муз-дены», как говорил Ленька, шимеал.

Утром свирелько и перспановали вокруг отблесков холодной воды, россы, брызгавшей с кустов, чешуек красноперок, игравших в омуль, и сотни солнечных зайчиков, устанавливавшие траву под деревьями и похожих на серебряные, осенние антыши.

Я сидел в трусах на разбитом плоту, курил

и следил за первым поплавком. Я терпеливо ждал, когда поплавок вздрогнет и медленно пойдет в зеленую речную глубину.

Старик ходил по песчаному берегу со спиннингом. Я слышал из-за кустов его вздохи и вздрагивания:

— Какое дивное, очаровательное утро!

Потом я услышал за кустами кряканье, топот, сопение и звуки, очень похожие на мычание коровы с заявлением ртом. Что-то тяжело шлепнулось в воду, и старик закричал тонким голосом:

— Боже мой, какая красота!

Я сонно слушал возле за кустами. Глаза у меня слипались, поплавок расплывался в огненном пятне на светлой водяной рабии.

Вдруг Ленька крикнул мне с берега, и в голосе его я почувствовала отчаяние:

— Отец ее упустил в воду!

Я скосилась с плаща, по горло в воде добралась до берега и побежала к старику.

Он стоял за кустами у самой воды, а на песке, перед ним, тяжело дышала старая щука. На первый взгляд, в ней было не меньше пуды.

— Тащи ее подальше от воды! — крикнула я, но старик запихнул на меня и вынул дрожащими руками из кармана пенсне. Он надел его, нагнулся над щукой и начал рассматривать ее с таким восторгом, с какими знатоки любуются редкой картины в музее. Щука не сводила с старика замы глах.

— Похожа на индийского крокодила, — сказал Ленька.

Щука покосилась на Леньку, и он отскочил. Казалось, щука прокричала:

— Ну, погоди, дурак, я тебе оторву уши!

— Годубушка! — вскрикнула старик и еще ниже наклонился над щукой.

Тогда и случилась та неудача, о которой до сих пор говорят по деревне.

Щука прыгнула, мигнула глазом, легла побудорече и со всего размаха ударила старика хвостом по щеке. Над сонной водой раздались оглушительный треск опалухи. Пенсне со спинном полетело в воду. Щука ударила второй раз, третий, подскочила и тяжело шлепнулась в воду.

— Увы! — прогрекнул старик, но было уже поздно.

Ленька стоял спотыкаясь, приплюсывая и кричал нахальными голосом:

— Ага! Получи!

Не лови, не лови, не лови, когда не умеешь!

В тот же день старик с серебряными зубами смотел свои спинники и уехал в Москву.

Никто больше не нарушал тишины протоков и рек, не обрамлял блесней колхозные, речные алени и не восторгася всеми тем, чем лучше всего восторгаться без слов.

Академик И. Павлов. С картиной художника Нестерова.

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

Алексей ЮГОВ

ОТ «ПЛЁВОЙ ЖЕЛЁЗКИ»— К ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА

(Из книги „Павлов“)

1

В этот дом каждый приходит со своей дверной ручкой. Ею можно открыть любую дверь в этом доме. Одни обижают его, те, что в белых халатах, носят при себе дверную скобу-отмычку, ни тщательно берегут ее от других — от людей в халатах персикового цвета. Да! На этик-то уж никак, ни в чём нельзя положиться! Человек в песочном халате меньше всех других знает, что сделает он в ближайший миг.

Вот он лежит на кровати, неподвижно, замыкает глаза. Вдруг, нелено взмахнув руками, он вскакивает на ноги, и страшный взрыв зашибой ругани обрушивается в пустоту, в воздух. Потом он снова ложится и закрывает глаза.

Его сосед забрасывает на свою койку с ногами, скорчаясь сияя, так что колени касаются лба, и затынает пальцами уши. Он сидит так, не шевелявшись, уж много, много часов...

Время обеда. Человек в простом, грубого полотна белом халате — тот, что неоступно присматривает за этими людьми, ухаживает за ними, поит их и кормит, — подошел к склонившемуся на кровати и дотронувшемуся до его плача.

— Обедать будем, — говорит он, называя больного по имени и отчеству.

Тот еще больше сжимается. Санитар настойчиво, но терпеливо побуждает его подняться. Больной отворачивается лицо.

У санитара затекли руки и спина устала поддерживать больного вилянок — санитар расправляетесь и отпускает его.

Больной тотчас же валился ничком на кровать и, не отрывая лица от постели, быстро, быстро уползает в дальний угол кровати. Здесь он спирчается в клубок, словно изгнаний сж, и натягивает на затылок воротник халата.

Санитар снова пытается его растормозить. — Не надо, — говорит ему доктор. — Ничего не выйдет... Подождем еще. А потом, что же делать, придется и этого кормить через зонд.

Они отходят к другим больным.

Сколько их! Какая нестраш, дикая и терзающая душу картина!

Вот юноша, стройный, с прекрасным лицом, похожим на лицо Александра Блока, с высокой, плотной, словно спрессованной шапкой кудрей. Уж который час неистово, быстро, так что поам халата разлезаются, бегает он из угла в угол и, откинув голову, неподвижно уставшись остекленевшими глазами во что-то, видимое лишь ему одному, бормочет, бормочет, бормочет какие-то непонятные слова.

А этот, возле стены, словно застыла: уж скроется, как стал он здесь, вот в этой же, самой вицурной, противостоящей позе: одна рука ребром ладони лежит на затылке, а другая, с выпраленным пальцем приставлена ко лбу. Он стоит в одном белце. Санитар неоднократно пытались накинуть на него халат, но халат каждый раз скользит с плеч и падает на пол. Продеть в рукава руки больного никак не получалось: они как бы закостенели, прижатые к голове.

В противоположном конце палаты, в кресле, сидят еще один оцепеневший больной. Между ними как будто нет большой разницы: тот и другой застыли. Но попробуйте у второго поднять руку, завести ее за спину, изогнуть извращенную руку и час, и два, и три будет сохранять приданные ей положение. Этим забываются иногда другие болезни, если санитар не досмотрит.

Первый неподвижный больной — это каменное изваяние. Второй — восковая фигура...

Но превратил этот затянувшийся обход! Тяжел он даже и для белых халатов. А они-то уж, кажется, насмотрелись всего и ко всему притерпелись.

Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год совершают они в этих стенах разрушение, развал, уничтожение самого высшего, самого ценного на земле — человеческой личности, человеческого разума, человеческой речи. Кажется, и один раз достаточно увидеть, как женщина в песочном халате хихикает и присасыванием пристрачает пестр о смерти своего мальчика, на которого она та и маничательно не могла, ветру дунуту не давала, чтобы понять, до какой глубины может дойти разъяра.

И что же? Почти до наших дней заботливый угол, угловы, теплые ванны — «спускавшие», «укрепляющие» — да наследственное кормление (через резиновую трубку, вводимую в желудок), да усиление надзора при попытках больного к самоубийству — вот, поплавуй, и все, что в течение многих десятина-

ти могла противопоставить врачебная наука этому страшному разгулу.

Чтобы лечить, — нужно знать.

А что известно было врачам-психиатрам о тесноте поломок, сдвигов, в извивах человеческого сознания, которые им надлежало исправлять?

Часовых дел мастер ясно видит и понимает взаимоиспользование всех пружин, рымажек и колесиков, когда берется за починку часов. Он не только знает, что стрелки движутся по циферблату склону раскручивающейся пружины, но и с закрытыми глазами может представить себе весь путь передачи движения от пружин к стрелкам.

Но простейший сапожник сложнее не только любых часов, но и самого замысловатого механизма. Никакая машина не сможет сама себе починить. Ни у одной машине вместо отломанной части не вырастет новая. Никакой, самый мудрый механизм не сможет выделить из себя второй такой же, цельный и работоспособный механизм. Ничто нижнейший комочек живой слизи — амёба — и тот уже превосходит всем этим любое из чудес техники. А что же сказать о высшем животном? Что же сказать, никонец, о самом человеке?

И вот на глазах врачей развивается, рушится, разлагается как раз то, что и составляло понятие «человек»: рушится человеческий разум, в безобразную словесную кашу обрастают человеческая речь...

Где, что повреждено? Какая работа, какая именно деятельность живого, цельного человеческого организма привела к расстройству?

II

На первые два вопроса — «где» и «что» — врачи всегда отвечали легко и быстро. Раз человек сошел с ума, поменялся... значит, наверняка причину этого надо искать в голове и болезни, конечно, мозг.

Десятнадцатый век был веком вторжения в головной мозг.

Стол хирурга, видевший сотни операций; анатомический стол, где рассекаются уже безжизненные тела; наконец, микроскоп и нож физиолога, прокладывающий прикосновение пугти в глубинах живого мозга животных, — все это безмерно обогатило на протяжении девятнадцатого века скопорощущий фактами и наблюдениями, способных пролить свет в таинственное существо мозга.

К началу семидесятых годов среди врачей было окончательно покороблено фантастическое учение о мозге, созданное так называемыми френологами. Но еще долго, начинавшиеся френологическими книжками, гимнастиками отскивали друг у друга на черепе «шишку реалистичности», «шишку преступности», «шишку математических способностей», «искусства» или «семейных добродетелей».

Отец «френологии» Галь — в своих прежневременных попытках связать ум и характер человека с особенностями его головного мозга насыпал мозговые полушария множеством каких-то самостоятельных свойств, способностей, наклонностей, страстей и пороков.

Для каждого свойства, для каждого порока или добродетели он заботливо указал отдельные областисти в мозгу. А так как, рассуждал Галь, склонность развитии в человеке какой-нибудь страсти, например склонность, неизбежно влечет за собой распространение соответственного участка мозга, то и через склонность неизбежно выплывет из этого местом и образует «шишку склонности».

От «френологии» врачебная наука шагнула в другую крайность. Накануне семидесятых годов взяло верх учение Флоранса: в душевной, или, иначе говоря, в первично-психической, жизни совершенно равнозначны, однозначны друг другу все участки головного мозга.

Подобно тому как погружения в воду губка одинаково пропитана во всех своих частях одной и той же водой, точно так же и головной мозг разномерно пропитан психическими, душевными функциями.

Так проповедовали сторонники Флоранса.

Да! Это было скорей проповедью чем наука: каждому вольно было принять ее или отвергнуть.

В 1870 году Фрич и Гитциг беспримерным опытом показали, что если раздробить электрическим током определенные участки мозговой коры, то у животного начнут судорожно двигаться лапы.

Если же эти самые участки мозговой коры вырезать совсем, то животное, хотя и вымретоvert, но ходьба его чрезвычайно нарушится: оно будет как человек, разбитый параличом. Так открыты были двигательные области в коре головного мозга.

С этого началось. А вскоре учеными-физиологами появился опытное «Рефлексы головного мозга», стол близко подошедший к раскрытию тайн мозговой работы, — даже и эта статья, произведшая переворот в мышлении людей шестидесятых годов, ничуть не сдвигнула в свое время науку о мозге, так как не была подтверждена опытом искусственного раздражения и частичного разрушения.

Даже естенический взлет сечиновской мысли — статья великого русскогоченного Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы головного мозга», стол близко подошедший к раскрытию тайн мозговой работы, — даже и эта статья, произведшая переворот в мышлении людей шестидесятых годов, ничуть не сдвигнула в свое время науку о мозге, так как не была подтверждена опытом.

От ножа не отставала микроскоп. Каждый научимый мозг — был ли это мозг умершего

больного или мозг животного — точайшими бритвами разделялся на десятки тысяч прозрачных срезов. Каждый мозговой срез тоньше папиросной бумаги. Однако в любой такой пластике глаз, вооруженный микроскопом, мог насчитывать мозговых клеток больше, чем мы видим звезд на небе.

Головной мозг, изданная признанным за орган мысли, все больше и больше начинает размежеваться в представлении ученых. Оказывается, одни его части по преимуществу видят; другие — слышат; третьи — правят движением; четвертые — речью.

Мозг ложится на карту.

И подобно тому как знаменитые мореходцы открывали новые земли, увековечены не только в памяти человечества, но и всеми картами земного шара, точно так же целиком целого ряда учений науки запечатлены на всеми картах мозга.

И разве профессор Бехтерев удостоен меньшей чести чем Беринг или Челюскин, если у каждого из двух миллиардов людей на земле обязательно есть в мозгу «ядро Бехтерева»? «Картографий» мозга действительно вправляет гордиться человечеством как беспримерным подвигом своей испытующей мысли.

Наныбочайшая вершина в развитии жизни на земле, непревзойденной сложности прибор, состоящий — вымыслил странно! — из пяти миллиардов микроскопических «батарей» нервного тока, из многих миллиардов точайших проводов, из нескисимого количества «станций» и «подстанций», — вот что такое головной мозг.

И создать в течение трех—четырех десятилетий всеокхватывающие «путеводители» по этому страшному лабиринту — разве это одно не могло наполнить сердца исследователей чувством гордого усмешки и твердой веры, что близок час окончательного торжества знаний?

Да. Но дальше и дальше отходили в будущее этот желанный час. Тихое разочарование пришло на смелу горделивым наследием. Мозг был познан. Но это был мертвый мозг. Мозг был познан, но самая работа его,

До конца дней своих 86-летний Павлов своими руками делал наиложнейшие и гончайшие операции. На снимке: Павлов делает операцию во Всесоюзном институте экспериментальной медицины.

работа целиного, не исковерканный операцией мозга, оставалась все так же, как сотни и тысячи лет назад, скрытой во мраке, недостижимой под крепкою крымкой черепа.

И не виделось подступа. Но что же тогда можно было сказать о расстройствах этой работы, не познанной в ее нормальном течении?

И вот скорее другом-надсмотрщиком, а не врачом, не научным наблюдателем сознавая себя психиатром, беспомощно созерцая изо дня в день загадочный, неизбранный распад человеческой личности.

III

В letzten день 1918 года, после обхода больных, директор петроградской психиатрической клиники на Удельной доктор Воскресенский собрал, как всегда, врачей у себя в кабинете. Это была обычная, ежедневная «конференция» больницы.

Но этот раз доктор Воскресенский притянул не одни: с ним была посторонний. Впрочем, мало кто из коренных петербуржцев не знал в лицо этого скотого, быстрого, с проворными и привычными движениями старика. Он привлекал, опирался на трость, и слегка волочил ногу.

— Вот, коллеги, — сказал директор больницы, — Иван Петрович выразил желание познакомиться с клиникой душевных болезней. Специально с этой целью он и посыпался все эти прошлые лето поблизости от нас. Я не сомневаюсь, конечно, что каждый из вас сочтет за честь быть Вергилеем Ивана Петровича по всем «кругам» нашего «Ада»¹.

Изящная шутка директора была встречена молчанием. Доктор Воскресенский не ожидал этого. Он растерялся.

Как! Ведь это же был сам Павлов, великий русский физиолог, — разве могли врачи не знать этого? — Павлов!

Но врачи, конечно, знали, что за человек был пред ними. Академик Павлов... Первый из всех русских ученых, увенчанный нобелевской премией за классические работы по пищеварению... «Павловские фистулы», «Павловский» желудочный сок... Условные салюновые рефлексы у собак. Это, кажется, — это последнее увлечение. Тут, впрочем, говорят, старик хватил через край. Но даром в научных кругах иной раз путали:

— У нас в Петербурге двое маньяков: академик Краузе помешался на изолированных органах, а Павлов — на условных рефлексах.

Очень бы даже любопытно было узнать: зачем ему понадобилась психиатрическая больница? Не выбрас ли время старик? Тут, того и гляди, сам в качестве больного на Удельную попадешь; крутом, страшно подумать, что творится! Не знаешь, будешь ли жить к вечеру. А он: «Спешайтесь и на целое лето! Да и откуда же время взять? Ведь если «прих��тесь» к нему, то каждый день, вероятно, часы и часы потребуются...

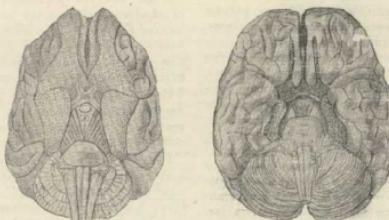
Затянувшееся молчание прервано было доктором Голованием: если никто из коллег не возражает, она с большими удовольствием предоставит свои свободные часы для специальных обходов Ивана Петровича.

Обходы эти вскоре начались и продолжались почти все лето.

«Ченчик» пристально вглядывался в каждого больного. Иногда, с разрешения врача, входил в беседу с больным. Особое его внимание привлекало оценевшие. Ему было недостаточно, что врач демонстрировал перед его глазами все феномены этого оценевания. Он подходил к больному быстрой хромощкой походкой и склонялся к его кисти руки, пытаясь изменить ее положение в пространстве.

Вот два факта, установленные Павловым. Со-
поставьте их, и вам станет в основном понятен путь его мыслей.

Слониная железа стала его «перископом». Не вскрывая черепа, Павлов наблюдал посредством этого перископа работу вымых отделов головного мозга. Отсчитывая и регистрируя каждую каплю и даже каждые пол капли слюны, великий физиолог через это самое в тоин-

Мозг собаки (слева) и мозг человека (справа). С первого же взгляда бросается в глаза, что полушиары мозга у человека незначительно больше чем у животного, наземных и борозд тоже больше, но обширительные области (обозначенные точками) в мозгу человека занимают гораздо меньшее место.

— Ого, чорт возьмёт! — выражалась у него восторг восхищенного удивления. На какой-то миг он позабывал, что перед ним больной...

IV

Прошло смыше десяти лет. Учителя-психиатры с глубоким волнением ждут каждого нового слова своего бывшего «ченчика».

И не только русские, но и психиатры всего мира винуяжены приприноровывать свои возвращения к беспримерным, неопровергнутым открытиям Павлова.

Вынесена на свет высшая таинственная рабо-
та головного мозга, столько веков остававше-
гося неприступной «резиденцией души», по-
добно тому как Ахазия, священный город буд-
дистов, обители да-лаи-ламы, веками был
недоступной для европейцев.

И не взломом черепа, не опытом частич-
ного разрушения и раздражения выразил вели-
кий физиолог у мозга его тайны! Нет! И это, может быть, самое поразительное в этом бес-
примерном подвиге русского ума — лишь не-
отступление, пристальное в течение многих и
многих лет наблюдение и размышление над
работой сложной собачьей железы, «плёбной

желёзки», по выражению самого Павлова, —
пот乎 который привел его в Ахазию мозга.

Сначала это даже как-то удивлялось в
сознании. Однако здесь нет никаких преувели-
чений. И суть вот в чем.

Слониная железа точайшим образом отвле-
чается на самые ничтожные колебания внеш-
него мира — отмывается то увеличением, то
уменьшением количества выделяемой слюны.
Отличительность, чувствительность эту можно
приправить разве к чувствительности сей-
смографа, который в сейсмических подвалах Моск-
вы или Пудожа зачерпывает на закопченной
барбакане сотрясения земной коры, происшед-
шие где-нибудь на отдаленнейших островах
Тихого океана.

Слониная железа через неизвестные связи находится в нитинейшем, теснейшем соотношении с головным мозгом, с корой больших полушарий.

чайных подробностях исследовали нормальную, ничем не нарушенную деятельность коры больших полушарий мозга собаки.

Для этого понадобилась пустяковая, но опытно-практическая, павловская операция. Щеку собаки прорезается насквозь. Проток слониной околоуслуховой железы выводится наружу ившивается в щеку. Вскоре небольшая рана заживает без всяких неприятностей для животного. Но слюна из одной железки теперь вытекает уже не в рот, как слюна оставшихся, а наружу. Её можно считать по каплям.

В чём же заключается существенейшая ра-
бота больших полушарий, открыта Павловым?
В условном рефлексе. Что же он пред-
ставляет собой? «Он», — говорит Павлов, — со-
стоит в том, что при совпадении во времени
какого-либо внешнего раздражения с опреде-
ленной деятельностью организма эта деятель-
ность начинает вызываться и этим раздражи-
телем».

Если кусок пищи — во рту у собаки, то,
естественно, он смачивается слюной. С таким
свойством животное рождается на свет. А звонок,
например, сам по себе, естественно, не об-
ладает свойством вызывать у собаки слюну.
Однако он может такое слюнотонное действие
произвести.

Для этого стоит только этому звонку про-
звучать несколько раз в то время, когда со-
бака ест. Теперь уже и один звонок, без вся-
ких пищи, начнет гнать у собаки слону.
С этим не рождаются. Это приобретенный,
или, иначе говоря, условный, рефлекс. Шатя служителя, который постоянно
корчит собаку, зевы, посыпку, испытывая лампоч-
ки, зеву, трещотки — словом, любое естествен-
ное или искусственно явление, приученное к еде,
вскоре становится как бы ее заместителем,
то есть вызывает выделение слюны и пищевые
движения собаки. Собака начинает «запах-
вать» воздух или лампочку, как выражалась однажды
сам Павлов.

¹ Речь идет о римском поэте Вергилии. В «Божественной комедии» Данте Вергилий является Данте со всеми кругами Ада. — Ред.

Психолог, да и все мы до Павлова склоняли бы: «Что ж! У собаки накопился опыт, она поумнела. Она уже знает, что звонок — вестник пищи, и вот от страстного желания еды текут слюнки... ведь обычные».

Но Павлов загадывал психологиям коварные загадки. Вот одна из них. Собака сначала показывала сухаря. В другой же раз — кусок спелой мисы. Что вызывает у собаки более «страстное желание»: мясо или сухари? Конечно, мясо. Значит, при виде мяса у нее как будто и сильнее должны течь слюнки. Однако нет. Ни мясо, почти совсем нет слюнки. Но сухари она обильно выделяет.

Значит, страстное желание здесь не при чем. Догадливость собаки — тоже. И, однако, мы должны признать, что «поведение» салюнистой лягушки в высокой степени правильное, тонко соответствующее требованиям момента: мясо и так важнее, и, чтобы проглотить его, салюнистой слизи не нужно. Сухарь же, прежде чем быть проглоченным, должен быть обильно смочен слюной. Видна как бы даже предсмотриительность в деятельности салюнистой лягушки: один лишь вид сухаря, один лишь звук, прозвучавший несколько раз в то же самое время, как собака ела сухари, вскоре начинает вызывать столь же обильное салюноотделение, как самий сухаря.

Однако сообразительность и догадливость здесь не при чем. Этих психиатрических понятий ничего нам в работе мозга не обясняют. За такие «общие смысли» Павлов даже подвергал штрафу и себя и своих сотрудников.

— Условный рефлекс, — говорил он, — временная связь проторившаяся в мозгу между участком салюноотделения с одной стороны и участками зрения и слуха — с другой. Теперь, если только первым током, первое возбуждение возникает в зрительном участке от вида пищи, как немедленно же это первое возбуждение перебрасывается и в салюнистический участок. Побудит работать и его.

Подобно этому обясняется и приобретенное склоногончее действие яичника.

Условный рефлекс — это приобретенная реальная на сигнах, на спутнике, на заместителе.

Несомненно, щенок не убегает от одного толка в двери пакли. Для этого нужно, чтобы несколько раз эта пакля сопела с болью, а этим врожденным побудителем — убегания.

За время роста и жизни животного на него прирожденные рефлексы — пищевой, оборонительный, половой и другие — нацелены не непрерывно вновь вырабатываемые, условные рефлексы. Сигналы, отдаленные раньше признаки опасности, боли или паники, начинают вызывать у животного те же самые реакции, которые от рождения вызывались в нем лишь самой болью или самой пищей.

Разве не ясно, что без выработки этих новых, точайших связей с внешним миром животное вскоре после рождения погибло бы? Разве не ясно, что по-хитрости мы находимся там новые, выработанные связи «умона», «смыслов», «сознательностью» животных?

Но где же именно, в какой части головного мозга проториваются эти новые связи? В коре больших полушарий мозга. Это бесспорно доказал Павлов.

У собак сразу начисто кору больших полушарий. После такой операции животное может прожить при грудном вскарье не меньше чем здоровое. Но оно становится полным идиотом. Оно «зделает пищу лишь тогда, когда ее вкладывают ему в пасть». Никакие, даже

постоянные, неоѓемлемые признаки пищи — ее вид, цвет — не вступают более у такого животного в связь с пищевой реакцией.

От пакли, занесенной угрожающее наименование не удаляется. Человека, который удаляется за нем годы, бедит не узнает. У отца на ласковом приснопонимание, на попытку погладить собаку без полушарий всегда находит укусить руку хозяина: у нее утрачено различение ласкового и угрожающего прикосновения, ибо это различение всегда бывает приобретенное, наименее, оно условный рефлекс. Каждое приснопонимание к коже вызывает у собаки без полушарий лишь преклонную оборонительную реацию, лежат в подкорке.

Итак, выработка условных рефлексов, пророжение новых связей — вот в чем состоит главная деятельность высших отделов головного мозга, открытая Павловым.

Но ведь это явно лишь одна сторона этой деятельности. А что если какое-нибудь явление, сопутствующее пище или опасности, вдруг перестанет им сопутствовать? Сигнал стал обманывать. Что тогда?

Конечно, утратится связь этого сигнала с деятельность организма. Условный рефлекс исчезнет, устанет. Он «заторнозится». Затормозит его тормозной, гашущийственный нервный процесс.

Бодрствование и торможение — это единая, неразрывная и борющаяся пара, постоянно движущаяся в мозгу и первых в высших животных и у человека.

V

Павлова недолго обвиняли, что, изучив механизм деятельности мозговых полушарий собак, он перенес это все на человека. Нет, это неверно. Сам Павлов никогда не был виновен в том грехе некоторых своих крайне пропагандистских выступлений.

Вот что он говорил еще в 1927 году, то есть в ранее своего окончательного углубления в психиатрию:

«Если сведения, полученные на высших животных, относительно функций сердца, желудка и других органов, так сходных с человеческими, можно применять к человеку только с осторожностью, постоянно проверяя фактическую сходства в деятельности этих органов у человека и животных, то какую же величайшую сложность надо проявить при переводе только что впервые получаемых точных естественно-научных сведений о высшей нервной деятельности животных на высшую деятельность человека? Ведь именно эту деятельность так поразительное разнообразие человека из ряда животных, так высоко стоящего среди животных над всеми животным миром».

— Однако, — говорит далее Павлов, — если ли можно оспаривать, что самое общее основы высшей нервной деятельности, присущей к большинству полушариям, один и те же, как у высших животных, так и у людей, а потому и элементарные явления этой деятельности должны быть одинаковы у тех и у других, как в норме, так и в патологических случаях».

И нет ничего общего для человека в том, что мозг собаки был для Павлова подступом, первотою в Ахессе человеческого мозга.

Задолго до того как великий физиолог стал великим психиатром, он воспроизвел на соба-

ках многие феномены психических заболеваний человека. Воспроизвел, обяснил и вылечил.

То произошло в мозгу животных с помощью быстрой смены противоположных сигналов, то-истощающим раздражением коры коры сверхсильными раздражителями. Павлов с учениками вымывал у собак и различные гипнотические фазы с определением животного и, утрату, полный разрыв, всех условных рефлексов, и хаотическое, бессмысленное буйство и, наконец, даже (опыты М. К. Петровой) назывчивую болезнью вымыть, какая бывает подчас у первородных людей.

Совсем неожиданное объяснение для Павловского психиатрического застыванию больных: оно есть самозата! Под воздействием ли не-переносимых сверхсильных раздражителей и тормозных процессов, под влиянием ли сверхсильных раздражителей в коре больших полушарий истощаются, «выгорают» раздражимое вещество мозговых часток. И тогда автоматически на истощенные места надвигнулась застывшее, охранительное торможение. Оно есть как бы сон отдельных участков коры. Но и обычными, здоровыми сон Павлов тоже объяснял как торможение, только широко и было равномерно различавшееся в коре и не стало застывшее. Утром его легко «смыхнешь» (павловское словечко).

Чем же, как не сном, лучше всего можно восстановить утомленную или истощенную нервную систему? Но тогда и у застывших, оцепневших больных нужно всячески оберегать и даже углублять этот защитный, охранительный сон. Оцепление — это и болезнь и в тоже время надежда на выздоровление, знак того, что мозг еще пытается что-то сохранить и даже восполнить. Нужно помочь больному мозгу.

В особенности утверждал Павлов в этих его доказательствах необычайный, двадцатилетний сон одного душевнобольного. Психиатры считали этого человека погибшим. А он, пролежав неделю подряд, 20 лет, вышел из своего оцепенения и выздоровел.

Охранительное торможение спасло его.

Опираясь на учение Павлова об охранительном торможении, психиатрические клиники Всесоюзного института экспериментальной медицины, руководимые учеником Павлова психиатром Ивановым-Смоленским, подвергли целый ряд душевнобольных-шизофреников мно-годневому, искусственному сну.

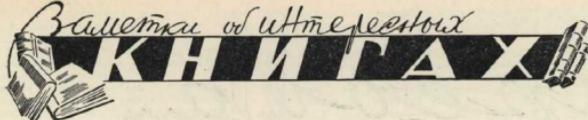
Большинство из них выздоровело...

Перейдя от животных к человеку, великий физиолог содредоточил свою размышление на том исклучительном своеобразии, которое придано человеческому мозгу многими тысячелетиями его роста и усложнения под воздействием колективного труда и речи.

Отсюда возникли первые генетические наброски нового павловского учения о «второй сигнальной системе», словесной, специфично человеческой, о ее законах и ее расстройствах.

Уже и теперь не поддаются обзору итоги павловских трудов в изучении высшей нервной деятельности человека и его психических расстройств. Уже и теперь легче движется психиатру после прихода Павлова в бледно-царство мрака и безнадежности.

Но Павлов до конца своих дней считал, что в этой области он только-только начал свою работу. «Здесь, — говорил он, — гора неизвестного явно надолго останется бешеною больше кусочков отторгнутого, познанного».

ЖИЗНЬ ГЕРОЯ.

Северный полюс. «И не покружить над полюсом ради рекорда, а взвесить в это самое загадочное место земного шара группу ученых, вместе с ними подрейфовать со льдами, изучить полюс основательно и с богатым материалом вернуться обратно».

Так, не окончив книги о своем прошлом «От сохи к самолету», Водопьянов написал другую книгу, о своем будущем, — «Мечта писателя».

И на наших глазах это будущее стало настопним. Биография Водопьянова замечательна тем, что самые дарзине его мечты осуществляются. Действие будущего героя прошло в деревне в тяжелой борьбе за кусок хлеба. Вспоминал его, Водопьянов задает себе вопрос: «Мог ли я тогда, и проклятое царское время, даже мечтать о том, что я современен стану шофером, не говоря уже о

В 1919 году Михаил Водопьянов уходит из деревни на фронт. В 1924 году он поступает мотористом в «Добролет». У Михеева, водителя тяжелых воздушных кораблей, погибшего при аварии «Максима Горького», учится Водопьянов. Он уже бортмеханик в составе посыпки с грузчиками на

все еще не смеш мечтать о том, чтобы самостоятельно водить самолет. И вот, наконец, первые самостоятельные полеты

Читал эту простую, искреннюю, теплую книгу, знакомишься не только с жизнью летчика, но и с историей советской авиации. Первые машины, на которых летал Водопьянов, были «лондонистическими», неуклюжими самолетами — «Илья Муромец». Затем он летал на «Конькобогебуске», проак-

При этом он не забывал, что «противился» за «Авро» и за три месяца получил звание летчика-испытателя. С тех пор многое машин прошло через его руки, и с каждым годом это были все более совершенные, все более могучие машины. Свой первый большой рейс он совершил, открыл воздушную линию Хабаровск—Сахалин, на немецкой машине «Онкерс». Но вскоре Михеев научил его управлять «АНТ-9», и больше на иностранных самолетах Водопьянов

нову летать не пришлось. На одномоторных быстрых машинах «Р-1» развозил Водопьянов по советским городам матрицы «Правды». На «П-5» летал из Москвы в Хабаровск.

Во время перелета Москва — Петропавловск на Камчатке он потерпел аварию на озере Байкал, скончавшись в поселке Ольга.

жад был движени в большине. Партия и правительство посыпало к заболевшему летчику лягушачих врачей, и Водопьянов снова вступил в строй. Едва встал, он запросил разрешения повторить неувядавшийся перелет. Ему разрешили; самолет был уже готов, но время, назначенное манипулатором, ему пришлоось упустить на МЧС Шимада, спасать членоскинцев. В незабываемые дни чекакинской вспышки вместе с другими героями-летчиками Водопьянов вписал в историю советской авиации одну из самых блестящих ее страниц.

Одна из глав книги Носальчика переслала Москва — Земля Франца-Иосифа. Этот трудный и опасный перелет, который был подготовительным перед полетом на полюс, описан просто, скучно и силено:

«Набрав 1300 метров высоты, я взял курс на север. Всего 700 километров отдалил меня от места, к которому нескошко векс подряд стремится исследователи Севера, — от Северного полюса. Скоростно 180 километров в час моя машина приближалась к этому месту.

Так пишет Водопьянов, и чувствуется, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не прибавить газа и не лечь прямым курсом на полюс. Но... «внезапный толчок в плечо и громкий крик вымыли меня из очарования. Земля скрылась, появился яркий свет».

— И Бодопьянов вернулся с Земли Франца-Иосифа на Большую землю для того, чтобы тщательно подготовить осуществление своей большой мечты.

ЛЕТЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ

Джимми Коллинз, написавший эту книгу, был одним из лучших американских лётчиков. Но он был также талантливым писателем. Он написал множество рассказов и заметок, напечатанных в журналах и газетах. Не находя приложения своим неизуемым способностям актёра, будучи принуждён ради заработка ити на чудовищный риск при испытании новых самолётов он намеревался стать актёром кино — занимаясь исключительно антрактером. Когда, после его трагической гибели, тяжело представить, король сопровождал Коллинза все последние годы жизни, друзья и родственники собрали написанное им, помнится яркая, талантливая книга.

Написанные поразительно звонко, рассказы Джинни прежде всего увлекательно читаются: каждый из этих крохотных — в двери страныки — рассказов обладает зачарованным сюжетом; каждый из них описан увлекательный эпизод из жизни американских летчиков. Вот скромный летчик едва не посадил по привычке гидросамолет на сушу и, остановленный пасажиром, смущенно опустился за тем на руку. «Да, — сказала он в

заключение, — это действительно идиотство!» — и вылез из кабинки

на крыло. «Пока!» — махнул он рукой на прощанье и шагнул с крыла в воду...

Юмор никогда не покидает Джимми, юмором он оборошится от жестокой действительности. Прочтите описание уморительной семейной сцены в воздухе между владелицем самолета и его испуганной женой, которая мешает ядотским советами. А у самого Джимми никогда не было самолета. Мальчишка на аэродроме восторженно спросил Джимми, если я это самолет. «Нет, сынок», — ответил я. — Я только на него летаю. Я нахожу, что это значительно дешевле и гораздо приятнее».

Но не чисто литературные достоинства составляют главный интерес этой книги: наша молодежь, читая ее, будет невольно сравнивать судьбу Джимми с судьбой советского летчика. И это сравнение исполнено глубокого интереса и важности.

Еще юноши, Джимми обнаруживает, что единственное занятие, которое тянет его к себе, — это авиация. Для советского юноши здесь открылась бы широкая дорога в жизни: любая авиационная школа либо занятие в аэроклубе без отрыва от производства и затем неограниченные возможности захватывающие увлекательной ра-

ке, где легко научиться летать только тем, у кого есть, по меньшей мере, собственный самолет. Он был пролетарием и сыном proletarii: еще ребенком приходилось ему работать на фабрике по ночам, чтобы днем учиться в школе. Только блестящие способности, жаждущая настойчивость помогли ему преодолеть все препятствия. Джинни принимают в военную школу летчиков, и он оканчивает ее, «учившись пешком».

Всёна школа была единственным шагом на Джиинны, но служить в армии он не хотел: ему, прошарию, не за что было воевать. А другого приложения своим блестящим способностям личного высшего квалификации Джиинн не нашёл: бородатого! Советского му юноше дико читать это, но долгие годы мучается тема Джиинни: то возвращается на время в армию, то служит «воздушным шлюхом» у капитанства, то бегется за испытание новых самолётов.

Следует остановиться на порядке испытаний, принятом в Америке. Они построены так, что прямо угрожают жизни летчика. И это так же дико для нас, помнивших слова товарища Сталина, сказанные Чкалову: «Ваша жизнь дороже нам любой машины».

Джинны брались за любую работу, но ни одна из них не давала

Эти обстоятельства раскрыли

действительность. Он приходит постепенно к пониманию того, что только коммунистическая партия Америки подлинно защищает интересы американских пролетариев. По инициативе Джимми организуется профессиональный союз гражданских летчиков Америки, носящий теперь название «Объединение американских летчиков имени Джимми Коллинза».

роткие его рассказы, собранные в книжке, выпущенной Гослитиздатом, будут с интересом и пользой

25

Чемпионат мира по гребле на байдарках и каноэ

Старейший советский гребец А. Переселенцев.

1

Гонщик-гребец можно узнать по широкой стройной спине. Как правило, гребцы высоки, сухощавы и каждое их движение напоминает тем упругим ритмом, которым вырабатывается во время гребли.

Английская пословица гласит: «Быть великим гребцом — значит быть здоровым».

Гребец требует такого предельного напряжения мышц, что первоначально мускулистые славянские люди с последним ударом волна падают в обморок. Гонка требует также огромного напряжения воли. Вот почему малодушие обречено на неудачу.

Одни остроумный английский гребец назвал гребную игру «бабой с внутренним свинством». Нередко скользкий гребец пронизывает более сладкую голову потому, что он может подавить в себе «внутреннее свинство», малодушие, трусость.

Борьба с «внутренним свинством» ведется не только во время соревнований; академическая гребля требует повышенного стройского режима и упорной тренировки.

Это благородный спорт. Вода, солнце, стремительные движения легких и изящных лодок.

Гонщики-гребцы можно узнать по сухощавой фигуре, однако Анатолий Андреевич Переселенцев, старейший русского гребца и знатока академической гребли, по этому признаку размыкает труду.

Это представительный 47-летний человек. Румяное, чисто выбритое лицо, синий kostюм спокойные серые глаза. Среди гребней молодежи он выглядит словно крепко просмоленный бамбук между легкими байдарками.

Но вот длинная, как спираль, спина вынесена из воды и вспыхнула, согнувшись по трапту к реке. Анатолий Андреевич подает команду, и лодка, мелькнув в воздухе, садится на воду. Гребцы занимают места. Над бортами повисли

длинные волны. Переселенцев с рупором на груди у руля. Он снова молчит, неутомим, легок.

Рулевой должен быть легким. Гоночная лодка не терпит перегрузки. Для того чтобы сбросить ее, Переселенцев, каковой волна перед началом сезона проводят двухкилометровую гонолинию, сбрасывая на 14 килог. Он уже давно не выступает на соревнованиях, но зато ученый мастер искусств гребли.

Он начал заниматься греблей в 1903 году, 13-летним хрупким, болезненным подростком. Через два года он уже мог участвовать в гонках. В 17 лет он выиграл первенство страны.

В 1909 году Переселенцев приехал в Германию. Там он убедился в недостатках своего стиля. Он решил переучиваться. Три года он проплавал в лучших немецких командах, увеличивая быстроту и подвижность, достигая того высшего мастерства, при котором незаметно огромное напряжение всего тела, когда непринужденно и как будто легко скользят гребцы по подвижной воде.

Из Германии он не вернулся.

В 1912 году в Лондоне, на родине академической гребли, Переселенцев снова убедился, что до первоклассного гребца ему еще далеко. Он оставил лодку-одиноку и начал работать в командах. Это дало ему возможность познакомиться с работой крупнейших английских тренеров и получить «скрипку» (гребиные кубки не давали «скрипки» одиноким гребцам).

В Тензинском гребном клубе Переселенцев познакомился с известными тренерами Дрейвером и Фелбасом (отцом нынешнего чемпиона мира). Наблюдая за работой лучших английских гребцов, Переселенцев понял, что ему не хватает аконченнейшей, точной ритмичности антагонизма.

На Тензине он встретился с тогдашним чемпионом мира Барри, Кларкстер, два три Переселенцев могли встать рядом с ним, на четырехметровом гребке у него затекли руки, лодка двигалась первыми рывками. Англичанам же скользила в прежнем темпе. Он был непобедим на 6-километровой дистанции.

Чтобы участвовать в гонках на звание чемпиона Европы, Переселенцеву надо было пройти впереди себя гонки в Германии, Франции, Италии, Испании, суметь выиграть две попутные гонки. За первенство боролись семь лучших гребцов.

Переселенцев построил гонку на трехметровом расстоянии. Учтя, что ветер встречный и лодки будут тяжелы, он решил спланировать количество ударов. Его противники пошли со старта, сделав 32 удара в минуту. Переселенцев шел со скоростью 30 ударов. Плавно и медленно гребец побеждал соперников. За первенство боролись семь лучших гребцов.

Три раза встречался Переселенцев с чемпионом мира Кильвром. Из трех встреч он выиграл две. Когда Переселенцев победил Кильвра в первом раунде, он был уверен, что на втором гребца предложат ему, что бы это эти были за зрителей нетактично пересекли финишную линию.

— Как фанатики! — подозрительно спросил Переселенцев судья. И, только свершившись со списком, пробормотал: «Недумогло! — Есть тай-кай.»

Но лучшие годы гребца Переселенцева прошли за водой Шелте на реке Тензине. В 1921 году он участвовал на Миссисипи-рекорде, на два километра в 7 минут 24 секунды, — рекорд не побит еще до сих пор.

Переселенцев использует теперь свой многолетний опыт на тренерской работе (в Институте физической культуры имени Сталина). Он начальник кафедры гребли. Однако подлинная его кафедра — корма гоночной лодки.

Тренерская работа требует от гребцов многое. Гребец не знает, как велика роль рулевого. От рулевого словно и рядом зависит исход гонки. Рулевой не только ведет лодку по кратчайшей прямой; он должен вести ее так, чтобы команда вообще не чувствовала руля. Рулевой должен безошибочно угадать момент гонки, который решает победу. Этот момент не всегда на финише. В кувшиновской гонке момент гонки рулевому предстоит последний взмах флагом, жест, который должен вызвать последнее усилие команды.

Роль рулевого прекрасно наиллюстрирует та-каячий случай. Две восемерки сидят в кинфеши рядом, борт о борт, ни одна команда не могла вырваться вперед. Когда до финиша оставалось 400 метров, и гребцы окончательно вились из сил, рулевой одной из лодок, остановив руль, поднял руки и потянул ими над головой.

Ну а теперь мы поем!

Эффект был потрясающий: противники бросили волны, и лодка находчивого рулевого несмогла на изненожение гребцов первой прошла финиш.

Переселенцев — гребец и рулевой «психологическая школа». Он использует в гонке не только силу мышц, не только технику, но и тонкий психологический расчет. Так например один гонку Переселенцев выиграл с помощью... ульбки.

Переселенцев в 1908 году сам был склонен верить в то, что гребцы в России с лучшим петербургским гребцом Кузиным. Все предполагали ему поражение. Он и сам не рассчитывал на победу. Единственным его помыслом было отстать от Кузина не более чем на один короткий дюйм.

Уже со старта Кузин стал уходить. Переселенцев собрал все силы. Ильинский сидел не видит своего соперника, как сидят синий к днищу лодки. Оборачиваться во время гонки нельзя: повторять головы ради пропущенной секунды. Только поглощая финиш Переселенцев рвался вперед, поглощая воду, потянулся по ногам и посмотрел в сторону противника. Кузин был почти рядом с ним, лишь на корпус попереди. Образованный Переселенцев удалился. При виде этой широкой ульбаки Кузин словно обрадовалась новоду, который давал ему возможность, наконец, выпрямиться и бросить всплеск. Однажды с теми програл гонку. Потом Кузин рассказывает:

«Я греб из всех сил, и он смеется, тут у меня первая и не выдергана...»

II

К самому небу подняты аккордионные волны на выпуклых руках гребцов. Первый волны несет усталость за восток к Парку культуры и отдыха. На корне, подбородок подняты руки, сидят сухощавый, молчаливый человек в плаще. Это тренер сборной Москвы, учителя гребцов «Буревестника» Федор Алексеевич Рогачев.

Рогачев — гребец второго поколения, кудахтывающий высокостильную бодроту среди молодежи. Родился в 1923 году. В 1948 году Переселенцев был в зените своей славы, на лодочной станции появились художественные памятники юноши. Только огромное упорство отталкивало его от других. Он успел по-

вел борьбу с «внутренним синтетизмом». Тренировался Рогачев настойчиво и упорно. Через два года он одержал свою первую крупную победу: выиграл первенство в разряде новичков. Еще два года, и Рогачев — чемпион СССР в одиночке скайф-одиночке.

Семь лет мы были неподвижны. В паре с Усачевым на двойке без руки отбрасывал Рогачев первенство у неподвижных до того времени ленинградцев Симоновича и Дундара. Ленинградская двойка по физическим данным была выше московской. Но современная техника, которой владел Рогачев, значительно превосходила техники изолированных ленинградцев старый английский стиль. Стала «ронинской» Рогачевской парой. Ферберова, в свою очередь, тянула в гребец Ферберову, становясь изолированной механической чистотой. Стала Ферберова—стала непримечательной, несущественной, длинеющей.

Вскоре Рогачев начал и тренерскую работу. Уже в 1927 году у него появились первые ученики: Игорь Поляков, Смирнов, — сейчас первоклассные гребцы Москвы.

Боткинские гребцы побеждали. Вот уже три года, как Рогачев перешел с подвижной бани на корму. Он один из самых темпераментных и опытных рулевых. Но в нем еще свежий боевой дух гребца, и это часто мешает рулевому Рогачеву. Особенно запомнился Рогачев две гонки восемерок.

В 1935 году в борьбе за первенство ВДПС встретились на старте заслуженная, исподобная ленинградская восемьмерка загребного Соловьевича с молодой восемьмеркой москвички загребной Пахомовой. Немало поработала с этой восемьмеркой Рогачев, выковывая в команде живость, ритмичность и темп. Команда подобилась среднего веса с хорошей техникой. Первым номером на носу сидел Барановский, перед ним Игорь Поляков, Поляков Николай, Репкин, Патрик, Панин, Долгушин и, наконец, Пахомов.

Резкий спортивной манерой ленинградец Рогачев противостоял ровный ход своей лодки. Восьмьки шли почти до самого финиша вместе. И когда оставались последние удары, Рогачев крикнул:

— Финиш! Десять! Последние десять дай!
Почти теряя сознание, подхватили команду
госбюта и псевдомы пошли финиш.

требами и первыми прошли финиш.

На следующий год, для восемьдесят пятого сезона, встретились снова Ленинградцы выступали в том же составе, но московские, вернее, ленинградские, болельщики не переставали требовать — обновленной состава. Это было действительно сладчайшая команда. Попытка такой команды не удавалась до сих пор собирать в Москве. Первым номером сюда в подъезде Родионов, перед ним Троицкий, Барановский, Патрик, Соллатин, Смирнов, Панкин и загребший Долгушкин. Все лучше, что можно было собрать в Москве, вошло в этот восемьдесят пятый.

Старт был овновремен-
но, никто не вырвалась. Мед-
ленно, неуклонно выходила
вперед восемнадцатая команда Ал-
тайского края, и она на кор-
пусе сидела. Загребиной Долгушин
предложил команде темп 36 ударов в минуту. И вдруг
за 500 метров до финиша Ро-
стомов уловил впереди че-
тыре человека. Стартуя
шагом узловым наездом, он
еще шаг прегорю скорость,
но что-то изменилось в темпе.
«Синкапе — удар», — подумал

Погачев.
— Приняли темп! — крикнула она в рупор. — Рада-даа-три!
Гребем темпа не принахи.
Команды всплыли из-под палуб.
В такт властной веселы, во скромности не было, не было подъема.
И тогда вся эта безмерная усталость точно обрушилась на Погачева. В эти последние предд方针性的 секунды он не успел собрать команды, не смог возбудить ее к жизни неожиданным, волнующим словом, и ленинградская лодка прощала финиш на нос впереди.

Много думал Федор Алексе-

евич Рогачев над причинами этого поражения. Ведь это было первое крупное его поражение за все годы, проведенные на воде.

Они пошли причину. Воссмерьга — это восемь человек, разных по характеру, по склонностям, по настроению. Так что эти люди не сработались — не скисли, нет воссмерьги, есть восемь гребцов. Английские тренеры утверждают: если посадить в лодку восемь чемпионов-одиночек, чтобы решать не у赢得е средней команды по тому, что решает не у赢得е каждого гребца, а команда, то это будет не воссмерьга, а Семерка. Их мечтаний в быстрой гребле в паре работают лучше чем два быстрых. Вот этого единства и не хватало московской воссмерьке, исключительно на сильной по своему составу.

III

Прежде чем научиться управлять лодкой Долгунин спал в ней. Отец его слушая стоял рожем на гребной станции, и семья не имела комнаты, жилась в сарке, в лодках. Принадлежавший отцу ат. Саша начал учиться плаванию, и в один из дней, когда он плывя на лодке перевозил письмовщикам на тот берег, Через три года он так окреп, что ни один лодочник не мог обогнать его. Для него ничего не становилось прохладнее, чем плавание по реке. Быстро проехалась по Балтийскому побережью. Воробьевых гор и обратно, прогресть тело, не бросая весла. Плавание занимало час, и вспомнился ему вспомнился и гробовщик, который пришел к нему в похоронки тогда же, когда он плавал в 1932 году. Его привезли туда товарищ по заводу, гребец Сергеев. Долгунин впервые сел в гончую лодку. Понаехалось всего триста метров для того, чтобы он остановился с ней.

В гребных клубах царила строгая изнуряющая дисциплина. От раздира к раздир гребцы передавались из рук в руки, «выскочек» здесь не любили, самородки кого предпочитали не замечать. Но Долгушину было трудно было не заметить. В том же году он выиграл первенство Москвы в раздире новичков, а через год добился победы в одиночке на всесоюзном в первом раздире. На Долгушину косились с недоумением: «Техника слаба, не отставай, молод... Но выигрывает неизменно выигрывает».

Высокий, длиннорукий, с прекрасно развитой мускулатурой, он брал своей силой и выдержкой. Он не знал, что значит испытывать волноваться. Он должен быть первым, вот все.

Долгушин встретился с сильнейшим гребцом

© 1984 by the American Society of Cinematographers

A black and white photograph showing a woman in a long, flowing dress rowing a small boat. She is seated at the stern, holding a single oar. The boat is positioned in the lower half of the frame, with its bow pointing towards the left. The background consists of a calm body of water under a clear sky.

A black and white photograph of a young man with short hair, wearing a dark t-shirt and light-colored shorts, seated in a boat and rowing with an oar. He is looking towards the camera. The background shows the water and another boat.

П. Рогачев — один из лучших гребцов и тренеров Москвы.

Москвы—Смирновым—в тоник на полтора километра и была первым на финиш. Через две недели на первенстве Москвы он показал, что выиграл не случайно. Делая 34—36 удач в минуту, он прошел 2 километра в 7 минут 48 секунд. После Переселенцева так никто еще не ходил на Москве-реке. Через пять дней на первенстве ВЦСПС Долгушин был опять впереди.

Самодорова Далгунова призналась признавать Большое тело: пришлось взять его в московскую команду, посланную в Ленинград, разыгрывать первенство ССР. Там, в новой обстановке, в новой реалии, Далгунова встретилась с тогдашним чемпионом СССР — Давидом Степановичем Чукашевым. Давид Степанович Чукашев, 200 метров был преодолен Смирновым на длину Чукашева, и тот занял проклятую голову. Далгунова, не заметив этого пропала, итти и она осталась только пропастью километр. Судья Смирнова снял с Чукашева золото, да и сам Чукашев был вынужден уйти. Но тут ее собрались спасти — беспрекословно «длони», возбуждающие средство Стисну зубы, он рванулся вперед, и никто не мог догнать его. Чукашев остался на 15 секунд

У Долгинова не было международного опыта Переселенцева. Он никогда не видел работы лучших гребцов в мире — англичан. Он не учился у Дрейфера и Флембса. У него были исключительная бодрость, уверенность и волевая упорство молодого поколения страны социализма.

В основу своей тренировки Долгушин положил работу над

ритмом.

Добиваясь плавности, ритмичности движений, он пытался решить главную задачу — использовать на дистанции огромный запас своих сил, для того чтобы развить максимальную скорость.

С 1934 года Долгушкин не побредет. У него пока нет коляски, куртятин. Но он не бросается упорной тренировки. Слава в гараже машину (он работает шифером). Долгушкин работает на гребную станцию. Здесь его можно встретить ежедневно. Он неутомим. Таков один из лучших представителей третьего поколения советских гребцов.

А. Долинин — чемпион СССР по академической гребле

Неопубликованные рисунки

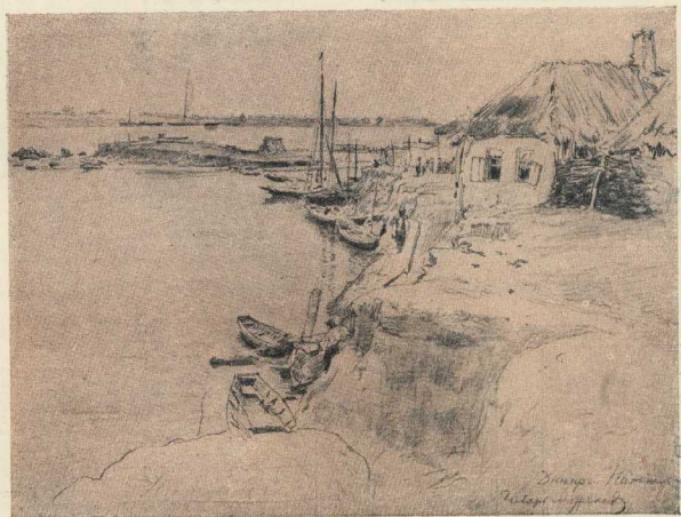
И. Е. Репина

Дом родителей И. Е. Репина в Чугуеве.

Рисунок к картине «Бурлаки».

Вид Днепра. Никитин Роз.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет А. ГУГЕЛЬ

В 10-м чемпионате мира по шахматам, проходившем в Тбилиси 13 апреля — 10 мая, первое место занял советский мастер Г. Я. Левенфиши. В текущем году ему предстоит защитить звание чемпиона СССР в матче с Ботвинником, не игравшим в чемпионате. На снимке: новый чемпион СССР по шахматам Григорий Яковлевич Левенфиши.

15-й КОНКУРС «СМЕНА»

«Смена» объявляет очередной конкурс решений. В него входят шесть задач. Десять читателей, решивших большинство задач,

будут премированы литературой. В случае равенства очков вопрос о первенстве будет решаться с учетом быстроты присыпки решений.

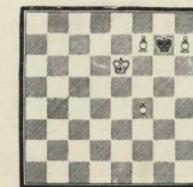
Только пешки.

Задача № 42

Самозуль Лойд

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 43

ИЗ ЗАДАЧ, ПРИСЛАННЫХ НА 2-Я МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ДВУХВОРОКОВ

Задача № 44, Татьяны Плахатой (Москва). Специальный приз для женщин-проблемистки. Белые: Крр2, Фл4, Лз3, с3, Чл1, Кз3, г5, п. в3, с2, е5; черные: Крд4, Фе8, Лз5, Сс6, п. д6, г7, ф5.

Задача № 45, В. Ковалевского (Ленинград). 1-й почетный отзыв. Белые: Крб8, Фе4, Лз2, б6, Св8, д7, Ка6, сб. п. а4, а7; черные: Крд5, Фе1, Сб4, г8, Кс4, е4, п. б6, е2, е5, г2, г6, б4.

Задача № 46, мастера А. И. Куббеля (Ленинград). 2-й почетный отзыв. Белые: Кр2, Фл1, Аб6, Сс6, Ке5, п. б3, с2, д4, е2, 14; черные: Крд5, Фл1, Лз2, Са6, ф8, Ка3, п. д3, г4, г7, б3, Ка5, е6, п. д3, е2, ф3, б6.

ТРИ КОМБИНАЦИИ ПАУЛА МОРФИ

22 июня исполняется сто лет со дня рождения гениального шахматиста прошлого столетия — американца Паула Морфи (1837—1884).

Десяти лет Морфи познакомился с шахматами. Однажды летом он стал побеждать своего учителя, счищавшего пыль с аудиумах шахматистов Нью-Орлеана. Двадцати лет он выиграл матч у одного из сильнейших мастеров Англии — Левенфельса (жившего в то время в Америке), победил и другого сильного игрока — Руссо (последний так отреагировал на проигрыш, что вышел из аудиума шахматиста). Тринадцати лет Пауль Морфи был принят в члены американской шахматной академии. Это был первый и последний случай в истории мастерской Америки, об联谊ийший последованием в шахматных рядах мастеров.

В 1857 году, на первом всесоюзном турнире, Морфи наградил себя золотой медалью. Ежегодно он выигрывал любительские турниры Америки, сражаясь с ним и предлагая при этом фору — пешку в ход. Только один шахматист Стэнли — отважная принцесса владивосточного шахматиста и познала прогрессизм четырех партий в пяти.

Взор Морфи совершил триумфальный поездку по Европе. И здесь нашлось равных ему противников.

Партии Морфи до сих пор восхищают шахматный мир поклонниками и эффективными комбинациями. Вот несколько примеров:

Задача № 47, И. Периса (Валенсия, Испания). 3-й почетный отзыв. Белые: Кр2, Фл1, Сб4, п. а2, 14, 15, г2, б3; черные (N. N.): Крб8, Фл8, Аб8, ф6, Сс6, Ке5, п. а7, б7, с7, д6, г7, 17. Ход белых.

1. Ае1 — е8! Φ е8 — е7
2. Фл1 — ф3! Φ е7 — е6
3. Фл1 — +! Φ е7 — г7
4. f5 — f6 и выигрывают.

Если 4... Ф8, то 5. f5 + Ке5; 6. ф5; 5. h5 + и Крб7 8. Cd3 + Крб6 9. f6 + Крб5 10. Аб6 + Крб4 11. Кр2 и т. д.

Эту комбинацию Морфи осуществила, играя не глядя на доску.

Белые (Морфи): Кр1, Фл3, Аа1, б1, Сс4, г5, Кс3, п. а2, б2, с2, е4, f2, г2, h2; черные (консультант): Кр8, Лз7, Аа8, б8, С18, Кв8, п. а7, б5, в6, е5, г7, h7. Ход белых.

1. Кс3 — :e1! Φ е5 : b5
2. Сc4 — :g5 + Φ е8 — d7
3. Оо0 — 0 Аа8 — d8
4. Ад1 :d7! Φ е7 — d7
5. Аh1 — d1 Φ е7 — e6?
6. Сb5 : d7 + Ке6 : d7
7. Фb3 — :h + Кd7 : b8
8. Аd1 — :d X

Эта прекрасная партия была сыграна в зале оперного театра...

Белые (Оуэн): Кр2, Фл2, Аз3, п. а2, ф2, f3, б3; черные (Морфи): Крб8, Фл1, Аб8, Сс6, п. а7, б7. Ход черных.

1. Сс6 — е4!
2. Фл2 — с3+ Аб8 — :g6
3. Ае3 — :e2! Φ е1 — :g6
4. Ае1 — :e3 Φ е6 — d6 +
5. Крб2 — h1 Φ е4 — f3 +
6. Ле3 — :f3 Φ е6 — d1 +
7. Крб1 — h2 Φ е1 — g1 ×

В ШАХМАТНОМ МИРЕ

◊ Матч на звание чемпиона СССР между победителем 10-го всесоюзного чемпионата Г. Я. Левенфиши и гроссмейстером М. М. Ботвинником начнется 15 сентября в Москве. В связи с этим создана «Смена», обратилась к гроссмейстеру С. Флору с вопросом:

— Как вы расцениваете шанс партнёров?

Флор ответил:

— Если матч будет состояться не позже октября, то у Ботвинника финиш значительные шансы. Если же будет играть, скажем, 16 партий, то я, скорее, опасаюсь парада Ботвинника, обладающего способностью быть сильнее в концовке состязания.

◊ Матч-реванш на мировое первенство между Эйве и Алехином начнется через 2—3 месяца. В иностранной прессе мы встретили не лишенный интереса сообщение о том, что Алехин, в частности, бросил курить. Тогда историю своего исторического матча с Капабланкой Алехин столь щадительно заботился о своей физической подготовке. Во время первого матча с Эйве он позволял себе вредные для «спортивной формы» излишества (кофе, сигары и т. д.).

◊ Грандиозный международный турнир организуется в Земмеринге (Австрия). К участию в нем приглашены все сильнейшие шахматисты мира, в том числе Михаил Ботвинник.

РАССКАЗЫ СТРОИТЕЛЕЙ **МЕТРО**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А. КОСАРЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ».

Героическое строительство метро освещено в этой книге с поразительной яркостью в формозавидательных рассказов

Книга богата иллюстрирована, отечествана на хорошей бумаге (305 стр. Цена в переплете—12 руб.).

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

Заказы по почте без задатка выполняются наложенным платежем "Книга — почтой" всех областных и краевых отд. Когиза.

При обращении: Москва, Арбат, 10. Книжный магазин Могила № 35 — пересылка бесплатная.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

«НАША СТРАНА»

«НАША СТРАНА» в приспособленных очерках дает полное представление о географии нашей социалистической родины, о ее городах и республиках, областях и районах и в популярной форме будет публиковаться статьи из области физико-экономической географической и этнографической.

«НАША СТРАНА» показывает процесс становления богатства народов нашей земли, их новых достижений в науке и производстве, в вооружении и под водой.

«НАША СТРАНА» знакомит с историей народов, населяющих нашу страну, о ее истории и культуре.

«НАША СТРАНА» рассказывает об истории исследований национальных природных богатств, археологических, геологических, почвенно-гидрологических походах, об изучении памятников старины и о замечательных местах.

В отделе «СТРАНЫ МИРА» будут показаны иностранные государства. Для этого будет снабжаться географическими картами и иллюстрациями (фото, рисунки), соответствующими различным видам продукции.

Журнал рассчитан на молодого советского читателя (студентов, учеников старших классов средней школы, стажировщиков промышленности и посей, командиров Красной армии, преподавателей и др.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес. — 36 руб.
6 » — 18 »
3 » — 9 »

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 3 руб.

Требуйте в книжных «Софзапечати».

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобединение, или сврайт в инструменты и гипсовом заводе № 100 по москве. В Москве уполномоченные высыпают по телефону № К 1-35-28. Подпись также принимается посыписто почтой, отделениями «Софзапечати» и уполномоченными транспортных газет.

ЖУРГАЗОБЕДИНЕНИЕ

ПРОДАВАЙТЕ
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ
СТАБИЛЬНЫЕ
УЧЕБНИКИ

РОДИТЕЛИ

УЧАЩИЕСЯ!

ВСЕМИ КНИЖНЫМИ
МАГАЗИНАМИ КОГИЗА
ПРОИЗВОДИТСЯ
ПОКУПКА
И
ПРОДАЖА
ПОДДЕРЖАННЫХ
СТАБИЛЬНЫХ
УЧЕБНИКОВ

Условия покупки и продажи бывших в употреблении стабильных учебников вывешены во всех книжных магазинах Когиза

ПРОДАВАЙТЕ
ПОДДЕРЖАННЫЕ
СТАБИЛЬНЫЕ
УЧЕБНИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Кригер. — Падиг страны (очерк). А. Абрамченко. — Быть на чеку! (статья). А. Шузырь. — Новая песня о ткачах (стихи). И. Грудев. — Юноша Горький (очерк). Ю. Нейман. — Кали Самиги (статья). К. Паустовский. — Старая шутка (рассказ). А. Бархин. — На выскочные вершины! (очерк). Рой Флэйнен. — Мулат (рассказ). А. Семёнов. — За спиной комсомола (статья). — А. Ютюг. — От «львой железки» — к душевому зверю (очерк). В. Викторов. — Три гребца (очерк). И. Репин. — Как я учился рисовать (вспоминания).

Заметки об интересных книгах. Словарь читателя «Смены». — Шахматы.

Оформление: П. Клещенберг.

Рисунки: Кукрыниксов, П. Клещенберг, И. Семёнова.

Фото: И. Шатина, Д. Гущина, В. Маслова, С. Красинского. На обложке: «Однажды в горах» — фотоотряд В. Руйкович.

На обороте обложки: «Тренировка вальпингистов» — фото В. Руйкович.

Отв. редактор В. А. Герасимова

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Сдано в набор 29/V-37, г.

Подписано 23/VI-37 г.

Уполномоченный Главлитта № 5-10919.

Выпускающий Н. В. Меркушев

Изд. № 524.

Зак. № 1154

Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л.

Изд. № 524.

Зак. № 1154 Тираж 45 000.

Цена 1 рубль.

